ВИКТОР БУЛИН

ПОСЛЕДНИЕ ПЕСНИ

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Кливленд — Охайо — Америка

— 1966 —

Printer: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München-Allach, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

ОТ АВТОРА

Давно это было. Сильно мечтал я о сборнике своих стихотворений. Не книга грезилась мне, а небольшой томик. Всего один. Такой, что его можно положить во внутренний карман пиджака. И такое счастье казалось мне уже — его вершиной.

Но дороги мои не были гладкими. И жизнь меня не баловала. Стихи писались многие годы, а куда они уходили, какова их судьба, я не имею ни малейшего представления. Наконец и меня жизнь выбросила на берег далёкий — далёкий от того который был душой моей поэзии. Поднял я лиру свою и побрёл с нею по землям чужим. Несозвучными сердцу стали многие песни. Не лучились. Не грели. Не ласкали песни на чужой лад. А годы равнодушно проходили мимо. Я писал и печатал свои сборники. Да не карманные томики, а книги. Вот и пятый сборник моих стихотворений.

О вершине счастья давно не мечтаю. А о счастье опять замечталось. Замечталось с тех пор, как удалось мне вспомнить русский строй поэтического инструмента, с тех пор, как я снова запел по-русски, всё реже и реже звуча мелодиями попутными. Теперь, вот, отбросив все «знаки препинания», я больше всего пишу о Родине и обращаюсь прямо к ней, радуюсь её радостями, печалюсь её печалями. Даже, неожиданно для себя, вспомнил одно из стихотворений молодости: НА

СМЕРТЬ ЧКАЛОВА. Возможно воспроизвёл его и не точно. Но, я замер, как замирает заблудившийся — чуть уловив звук искомой им жизни.. «О, повторись!.. Ведь в этом спасение!» И я затаил дыхание: не раскроет ли мне душа моя страницы далёкого прошлого?

А ПОСЛЕДНИЕ ПЕСНИ оказались совсем не последними. Почти дописана ещё одна повесть — в стихах, в ней тоже песни. Да и возможно ли существование песен *последних?* Одного лишь хочется, чтобы все песни были хорошими.

ПОДЛУННЫЕ БЛИКИ

Разгадай волшебные насечины
По воде: ни звуки, ни лады!
Но огни — мерцалочки засвечены
В каждой ря́бинке воды.

И слышна мелодия над бликами...
Вспоминает песельник — гусляр
Старину с захожими каликами,
Волгу, Питер да Кизляр.

И красивы ж вспышки — угаса́ния!
О, воды сверкающая рябь,
Отдаюсь тебе на растерзания!
Только душеньку не грабь.

СЕНТЯБРЬСКИЙ ХМЕЛЬ

Сентябрь в сока́х. О, пьяница!
И тлея угольком —
Листва берёз румянится,
Да тоже под хмельком.

А я сижу под грушею...
Трава нежна, что лён.
Невольно пьяниц слушаю.
И сам уже хмелён.

В лесу грачи ли, выпи ли —
Болтают о своём.

А ну, друзья, коль выпили
О Родине споём!

РЯБИНА

И краснеет, краснеет рябина.
Смущена под огнём красоты.
Не стыдись! о, моя Коломбина,
Вне сомнений — красавица ты.

В карнавальном осеннем наряде
И листвы, и рябины густой, —
Пощади же Всевышнего ради!
Восхищён я твоей красотой.

Не поддавшись лихому насилью,
Не в ладах со своею судьбой,
Я, за всю дорогую Россию,
На коленях стою пред тобой.

РОДИНЫ ЗОВ

Снег и снег. И мороз.
Важно шествует зимушка наша.
Двор в сугробах, — зарос!
В скучных улицах грязная каша.

Снег полей не таков:
Нежен. Чист. И горит белизною.
Снег — посланец богов,
Землю да́рит несметной казною.

Помню . . . тоже снега.
Помню . . . жгли посильнее морозы.
Глушь . . . приют лесника.
Даль . . . чуть слышно поют паровозы.

Это — Родины зов.
Это — строго чему и прилежно
Жизнь учила с азов.
В этом — Вечное любится нежно.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Я рыбак не ахти. Я сижу под кустом.
А рыбёшка играет и плещет хвостом.
На воде безмятежно лежит поплавок . . .
Под водою на голом крючке ничевок.

Я мечтаю о многом . . . И ветер тоску
Зачесал на душе волосок к волоску.
На широкую плешь — седина в седину.
А не хватит волос, я тоской затяну.

Я рыбак не ахти. Я рыбак по нужде:
У рыбёшек со мною не вспыхнуть вражде.
Я мечтаю о жизни — совсем о простом.
А рыбёшка всё плещет и плещет хвостом.

ВЕСЕННИМ УТРОМ

Является клушка, с опаской . . .
За нею двенадцать цыплят.
Следит их с какою-то лаской
Задумчивый лошади взгляд . . .

У птичьей кормушки старуха
Бранится с куриным Петром.
Мумукнула тихо Пеструха —
Завидя хозяйку с ведром.

Скворцы в огороде, на грядках.
В кустах пробивается лист.
Проснулся «блюститель порядков».
Проснулся уже?! Стрекулист!

ОБЪЕЗЧИК

Вороной жуёт овёс, —
Лакомое блюдо!
Неотступно лает пёс,
Далеко отсюда . . .

Катануть до той звезды?!
Нужно бы... По бре́ху:
Вороным, вот, час езды.
А зачем?.. Не к спеху.

И вода в реке быстра,
Стянет к бурелому.
Подремли вблизи костра,
Покивай былому.

Я — объезчик! Боже мой! —
Смилуйся к поэту:
В холодок снабди кошмой,
Не буди до свету.

В САДАХ ДЕТСКИХ

Снег! Снег! Снег!
Это яблони отцветают.
И по ветру пуржит... пуржит

Снег! Снег! Снег!
Это, будто бы, по Китаю —
Бултыхаясь плывут моржи..

Смех! Смех! Смех!
Это маленькие смеются.
И садами бегут... бегут!

Смех! Смех! Смех!
Это смешиваются и льются
С серебриной зелёный гуд.

Пой! Пой! Пой!
Песня будит и помогает.
Молодое всегда поёт.

Пой! Пой! Пой!
Сказка детская! Дорогая
За красивый, за твой полёт.

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

Сдалося — одной весной —
Военное время, дикое.
И столик заняв ночной,
Уютно будильник тикает.

Засмейся ж! Зачем тосклив?
Ни «Тигр» не потопчет яблони,
Никто не порубит слив,
Не нужно таиться в зáброни.

Ты прав . . . Не об этом я . . .
Сады поднялись. Воспрянули!

А где же моя . . . семья?!
Ты понял? . . Смеяться стану ли?

Я

Я березняк люблю и грузди.
Свободы прикупил у жиганья.
Я у коня учился грусти.
Задумчивости тоже у коня.

Я не бедняк — когда признаться:
Гармоника, подруга и стихи.
Я не хочу с судьбой расстаться —
Пока не загорланят петухи.

Я исходил уже полмира.
И сокола с вороной рифмовал.
Я не устал . . . Устала лира.
Над лошадью склонился коновал.

ПЕСНЯ

Кто-то песню запел . . .
Задушевную песню такую.
Даже Купид сробел,
Тетиву и не тронул тугую.

Лейся, песня — змея!
Непонятно, мучительно, шало!
Впейся, песня, в меня!
Ядовитей! .. Желанное жало.

Льётся песня в ночи́ ...
На тычках, у примятой ковыли,
Со́вы, будто врачи,
Надо мною в раздумье застыли.

ЗЛОЙ КАЛЕНДАРЬ ИЛИ НОЧЬ ПОД БАБИЙ ДЕНЬ

Ночь ... Видения дразнят,
Будто хлёсты ремня,
Будто в киевской лазне
Баба парит меня.

Баба, значит, как баба.
Знаешь баб на Руси?
Шпарит, словно бы краба!
«Хватит! — плачу. — Мерси!!»

Баба веник сменила.
В пар ... И снова по мне!
«Стой! нечистая сила!
Я ж не сноп на гумне!»

Хлещет спереди — сзади,
Жжёт — проси не проси.
Жарко стало, касатик!
Знаешь баб на Руси?

Жарит, жарит и жарит!
Ажно стонет сама.
Веник с бабою в паре
Тоже спятил с ума:

Липнет смачно и хлёстко,
Лупит с фронта и в тыл.

Ладно, ладно, берёзка!
Я ль тебя не любил?!

Бабий спутался локон.
Баба — кровь с молоком.
Веник — новый — обтрёпан,
Бьёт уже голиком!

«Больно ж! — плачу. — Голубка!!
Здесь форси не форси,
Прутья эти не губка!!
Гран — мол очень — мерси!»

Лупит! Прямо в живое!
Тут я, и́стошно воя,
С койки вниз головою,
Спрыгнул, мой государь!

Вижу . . . «Марта Восьмое».
Сукин сын календарь!

ГРУСТНАЯ ДУМА МОЯ

Где-то, дорогами старыми,
Бродит у пней и корья,
Звуками греясь гитарными,
Грустная дума моя.

Шепчется с тихими струнами,
С шелестом редких берёз,
С го́дами самыми трудными,
Шепчется с жизнью всерьёз.

В детстве, рыбацкое грузило,
Здесь вот — забросил в Двину.
Здесь же меня и контузило
Взрывом снарядов в войну.

Молодо, хвастая силами,
Здесь и зарвался в бою.

Здесь расставался и с милыми,
Слабость признавши свою.

Сам, на подобие грузила,
В волны изгнанья спеша —
Падал... А лучше бы струсила
Новых течений душа.

Тихие тёплые заводи,
Нет под ногою камней, —
Милость такую на Западе
Жизнь проявила ко мне.

Даже, — досталась Америка!
Только любовь далека.
Часто, у этого берега,
Снятся свои берега.

Часто тревожат видения, —
Им не положишь запрет.
Жизнь — не служанка хотения,
Жизнь — недоступный секрет.

С чувствами матери — Родины
Сын повстречаться не смог.
Наглухо обе воротины
Кто-то закрыл на замок.

Так-то... Дорогами старыми,
Помня людской бурелом,
Ночи тревожа гитарами,
Песни журчат о былом.

НА ЗЕМЛЕ МАЙ

Катавасия в природе, катавасия.
Ветры, бури и дожди.
Поживи да почуди-ка без согласия —
Хуже будет! Подожди!

Неприветлива погодушка весенняя —
Плачет, воет, моросит.
Человека от такого невезения —
Точит скуки паразит.

И неведомо: забавушка ато́мная
Может смертью чесанёт.
Заплетает радиация бездомная
Землю в пагубу тенёт.

Надрываются вождюги от рычания
В «гонке» адски — деловой.
И закончится она, без примечания, —
Просто: в пекло головой!

ДУМА ТИХАЯ

Вечер. Сижу один.
Дремлет будильник, тикая.
Бродит, среди картин
Прошлого, дума тихая.

Выключен лампы свет.
Стоит ли дальше маяться?
Выполни свой завет: —
Нужно во всём покаяться.

Знаю, вина моя.
Взяв от любви «поденщину» —
Сильно обидел я,
Крепко обидел женщину.

Сколько ж — всего ценней —
В нежной любви подробностей,
Кротости сколько в ней!
Сколько — прощать способностей.

Тоже была весна...
Бредила юность высями.
К высям! Земля тесна!
К высям! не шагом — рысями!

В эти шальные дни,
Парень в костюме плисовом
Пламени был сродни,
К ветру задорен, с вызовом.

Молодость! Всех буди!
Сони у нас не в милостях.
Вдруг, на моём пути
Кротость сама явилася.

Жизнь продаёт с лотка
Радость и горе, всякое.
Если *она* сладка,
Значит, бери! не вякая.

Значит, *она* твоя,
Если уже попробовал.
Люди всегда двоят
Жизни, без чура строгого.

Дарит девичью честь,
К счастью стремится де́вица.
Страстью ль тогда учесть —
Что же с любовью деется?

Стонешь? Кому пенять?
В страсти искал «великое»!
Можно ль его унять
Чувство — собою дикое.

Поздно . . . Сижу один.
Дремлет дорожка лунная.
Бродит среди куртин
Тихая дума — трудная.

Ангел была она.
Ангельски в чувствах чистая.
Небом была дана,
Светлая вся, лучистая.

Чувство любви твоё,
Петое бурно — пламенно,

Меркло в любви её
Нежной и твёрдой — каменно.

Скоро проходит пыл.
Запах и вкус пригарины
В чувствах. И ты остыл.
Нежность клюют вульгарины.

Боли во всём струна.
С *нею* — небрежен, холоден.
Любить? — её вина!
Ты от того не голоден.

Любит? а ты при чём?!
Нежное сердце женщины
Будто хлестнёшь бичом,
Болью зальёшь рассечины.

Ты, как поместный граф,
Важен, брюзжишь внушительно.
Ты . . . безусловно прав
С нею, во всём решительно.

Молит: — уважь разок! —
Надо ж дойти до дурости! —
Дома побудь часок!
Ревность! Такие глупости!

Прежде — желанных губ
Мог бы коснуться ласково.
Или . . . зачем же груб?
Любишь, как блудишь, — наскоро.

Полночь . . . Ни явь, ни сны.
Много ж набрался лиха я.
Бродит в садах весны
Каяся дума тихая.

Зришь ли меня, Судья,
Каждого жизни случая?!
Дума моя, себя,
Бродит терзая, мучая.

БРОДИТ ДУМА

Рано утром, когда — светая
Зарождается новый день,
Бродит дума моя святая . . .
И в тумане синеет день.

Там, у самой большой берёзы,
На траве — мураве, внизу,
Долго смотрится в росы слёзы,
И роняет свою слезу.

Здравствуй, клён! До тебя дорожка
Доплелась, как коса до пят.
Эльф — малютка и нимфа — крошка
На листочке обнявшись спят.

Спите, спите! У нас в Сибири,
А и клён, вот, соврать не даст, —
Тоже эльфы и нимфы были,
И сибирский баян — фантаст.

Жажде истины, многим жаждам
Тихоструйный звенел ручей.
Сколько ж прелести в слове каждом
Непонятных его речей!

Сколько мудрости в шуме леса,
В заревом пересвисте птиц.
Дума стала весталкой Зевса —
Поклонившись природе ниц.

Будто светом волшебным рампы
Горизонт залила заря.
Гаснут звёздные свечи — лампы
По чертогам ночей царя.

Солнце встало в степях Алтая,
И торопит судьбу бахчей.
Дума синяя, словно тая,
В золотину ушла лучей.

О ЧЕМ ПОЕШЬ

О чём ты, пташечка, поёшь?
О чём? Ты видишь — надо мною
Завалы, жизненный корёж
Гниют ненужностью земною.

В отсветах мрачного огня
Блестят дешёвые мониста.
Любовь людская, как ругня.
А радость с вывертами твиста.

Твоё уютное гнездо
Разрушат тоже не жалея.
Закон дикующих жесток.
Их души — мёртвая аллея.

Не стало в жизни красоты.
Угасли ласковые зори.
Уймёшь ли милостыней ты
Тоску смертельную во взоре.

Мечты о прошлом, дорогом . . .
Когда и молодость, и сила
Моими были. И с врагом
Любая встреча веселила.

Была весенняя пора,
Надежды розовые были,
И души полные добра,
И жизнь не кляли, а любили.

О чём ты, пташечка, поёшь?
Зачем тоскуешь надо мною?
Былое к жизни не вернёшь.
Не плачь над порванной струною.

АПРЕЛЬСКИЙ ВЕТЕРОК

Бежит по полю ветерок.
Бежит, свистит легонечко.

Барсучий высмотрел нырок
И шепчет: — здравствуй, соничка!

Вставай! Подснежники цветут.
Скворцы уже слетаются.
И там проталины, и тут.
Линяет шубка зайца.

Бежит по полю ветерок.
Свистит, себе, куражится,
Шатаясь вдоль и поперёк.
Хмелён немножко, кажется.

ЧИСЛЕННИК

Сорву листок календаря,
Вгляжусь, вчитаюсь, кину.
Пройдусь потом у фонаря,
Кусочек жизни подаря
Плевком, лягушкам в тину.

Заметно тает календарь.
А жизнь — большие дали.
Бывало, с численника, встарь,
Смотрел усатый государь,
Потом — усатый Сталин.

И люди, скромно говоря,
Хотя, судите сами,
«Любили гибнуть за «царя»
Который с их календаря
Смотрел, такой — с усами.

ПОМНЯ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Льётся песенка и льётся.
В сладком забытьи,
Пью от этого колодца,
Прямо из бадьи.

Жадно, полными глотками,
Душу не неволь!
Чувства вызвали, не камни,
Песенную боль.

В этом, издали, красивый
Тихий перезвон.
Юность! Вешние разливы!
Явь и полусон.

Песня вовсе не забвенье,
Колокол — не медь.
Помня чудное мгновенье
Трудно не запеть.

РАЗДУМЬЕ У ПЕРЕЗВОНА

И поют, поют колокола
Надо мной волнующимся гудом,
Обнажая душу догола,
Потрясая правдою и чудом.

Не о днях ли русского вчера,
Под весенним тихим перезвоном,
Замечтала трудница пчела
У цветов летая над газоном.

У звенящих ласково берёз,
В заревую вглядываясь алость,
Угадать, вот: кровушки иль слёз
По России больше проливалось?

Ах, судить Отчизну не берусь.
По столетьям всякое бывало.
Но, с испугом вздрагивала Русь
Лишь звонарь ударит в запевало.

И когда чужие короли
Супротив славянства не робели.
И когда язычники вбрели
В христианства первые купели.

Величали Родину: святой.
Вознестись до ангельского чина
У тебя, в наивности седой,
И безумье — веская причина.

Красота! Безумье не обман.
В Третьяковке лучшая картина,
Как Четвёртый, Грозный, Иоанн
Целовал растерзанного сына.

Прозвонила в Сорок-Сороков,
Повстречалась с Тихим океаном,
И туман балтийских берегов
Прорвала петровским талисманом.

И опять в Стоглавой перезвон:
В погребальном шествии, с галопа,
Умирает он — Наполен!
Спасена Россиею Европа.

Но, былое отдано на слом.
И не мистик держится за блюдце,
Над мудрёным Гитлера узлом
И сегодня комики смеются.

Да поют, поют колокола
Надо мной . . . Стою у перезвона.
А руки судьба не подала,
Проходя, как знатная персона.

СОРОКИ

Трём сорокам трещит сорока
Будто с Галкой ночует Змей . . .
«Дура баба! А нам морока!
Только, сёстры, болтать не смей!»

Сплетен поросль цветёт без срока,
Сколько хочешь развесит клюкв.
Всё своё дотрещав, сорока
Важно смолкла, и крестит клюв.

В птичьих хатках не знают стула.
Стул сороке?! — совсем смешно!
Наших птичек, как ветром сдуло:
Новость свежая! Спать — грешно!

УСТАЛ

Устал. Тяжело на душе.
Огорченья с тобой!
Мечты не слетают уже
Беспокойной толпой

К тебе. Не зовут никуда,
Не поют, не болят.
И только о смерти года
Позабыть не велят.

Смотрю, и не верю глазам!
А крылатых рои
Сливают нетленья бальзам
На страницы твои.

Страницы ж не россыпь руды
Для стальной вышины.
И может скитальца труды
Никому не нужны.

Идущим к источникам лжи
Несподручен хрусталь.
От тела они до души —
Проржавевшая сталь.

Стихи не ато́мный заряд,
И не взрыв — Асмодей.
Но, в этом же взрыве сгорят
От людей, за людей.

Соблазн — воевать! ядовит.
Ядовит и стоглав.
Второй не родился Давид,
А живёт Галиаф.

И некому вызов принять.
Смущены сыновья.
Земля! человечества мать! —
Не решаюсь и я.

Никто не поверит слезам —
Не поверив себе.
Не тратьте напрасно бальзам
В обречённой судьбе.

РОЗА

Кто тебя надломил?
Зачем надломили?
Вижу, не было сил
Избегнуть насилий.

Может злою рукой
Тебя обнимали.
Может ночка с рекой
Ему помогали.

Или пел соловей
Нежней, голосистей.
Ложь всегда розовей
Добра, и лучистей.

Друг обиженный мой,
Не трудно, не диво,
С песней нежной да с тьмой
Дойти до обрыва.

Трудно очень — назад
Уйти. И, бывает,
Дремлют разум и сад...
А кровь — закипает!

Значит, время кипеть.
Живёшь не для виду.
Только б после стерпеть
И жизнь, и обиду.

РОССИЯ НА РУБЕЖЕ

«Тысяча девятьсот пятьдесят седьмой»
Вышито по груди золотой тесьмой.
По широкой груди, от плеча к плечу.
Неужели же я о таком смолчу!

Помнится Новогодье в родном кругу.
С валенок и ушанок смахнув пургу,
Собирались друзья погулять, попеть.
И делила года колоколен медь.

Выбили колокольни уже своё.
Выброшено привычное нам в хламьё.
В перегное его копошится крот...
Наливай-ка, приятель, за Старый год!

Радуюсь! Не злоблив, не кляну пургу.
Радуюсь! И по-русски простил врагу.
Космонавты в пространство сверлят проход!
Наливай-ка, приятель, за Новый Год!

ДРУГУ

Вскинь на плечи руки!
Вскинь глаза к глазам!
Нет всему поруки
В жизни, знаю сам.

Знаю, в первом слове,
В первой дрожи губ,
Тоже нет условий,
Нет ничьих заступ.

Было так, и будет,
Коли — жить пора!
Сердцем сердце будит
В нас любви жара.

Жизнь не встретит шуткой.
Только, больше звёзд

Если в дружбе чуткой
Друга друг зовёт: —

Вскинь на плечи руки!
Вскинь глаза к глазам!

Это правда, други.
Правда! Знаю сам.

ЛЕТНЕЕ СОЛНЦЕ

Солнце жарит, Солнце жарит.
Жарик — первый класс!
Будто топят в этом шаре
Сто печей зараз.

Пот извёл меня до поту.
Дни — сплошной изъян.
Зверь, июль! Нашёл работу!
Стонешь, словно пьян.

В зиму, ждали, ждали лета,
Скоро ль этот рай?
То-то рай! В такой жаре-то!
Пеклу самый край.

У СКАЛЫ НАД БАЙКАЛОМ

Не чайка блеснула крылом
У тёмной скалы над Байкалом,
А дума моя о былом
Метнулась тоскливым накалом.

Дела-то совсем не в харчах.
Чужбина, как хочешь, — чужбина.
И трудно идти. На плечах
Страданий большая торбина.

Не чайки ли стон у скалы?
Ну, дума изгнанника, значит,
На месте костра, у золы,
Утратила что-то, и плачет.

РОССИИ

Слава России Великой!
Слава могучий народ! —
Небо пространственной пикой
Вскрывший до звёздных высот.

Первой ты вышла из первых
В этом красивом бою.
Чувствую крепкие нервы,
Чувствую силу твою.

Верю! не верил, признаться.
Вижу: твои корабли
Птицами яркими мчатся
В шири подзвёздной, в дали.

Строясь у мирного флага,
Славься! люби! молодей!
Только народам на благо.
Только, на пользу людей.

Нужно, не пряча за пломбы,
Всё добиваться и сметь!
Только не страшные бомбы,
Только не лютую смерть.

Если для мирного сплава, —
Каждый с любовью споёт:
Слава вам!
Слава!!
О, слава,
Русский хороший народ!!!

МАШЕ

Как будто бы заморская синица
Заветным прозвенела на лету.
Иль песенка волнующая снится
Повторой к задушевному альту.

Такие невозможности, а снятся.
И синяя колдует тишина.
И клонишься к подчёркнутому в святцах:
Сегодня именинница . . . она!

Прими же поздравленье из далёко
Пройдённого и дней — издалека,
Родная! О, нужна ли подоплёка?
Разлука ж не забвения река.

Разлука человеку не укажет
Любить ли, не любить ли, — не вольна
Над сердцем. И чужбина не река же
Где мечется забвения волна.

Хотелось бы о многом пошептаться.
Тебя я, прорубающий чащу́,
Аукал от Сибири до Эльзаса,
А нынче по Америке ищу.

И нынче, потихонечку седея,
Надежду не оставил, не под стать, —
Увидеться б! Хорошая затея,
О стольком бы хотелось рассказать.

О главном, задушевном бы: не бойся,
Разлука — не разлучница змея,
По-прежнему люблю, не беспокойся,
Подруга ненаглядная моя.

НА ЗОРЬКЕ

По венчику настурции
Узорины, как в Турции,
Повышила умелая игла.

В узор легла росиночка,
А в небо бирюзиночка
Хорошая, хорошая легла.

Красивое сложение.
И чудо — отражение
В росиночке: и небо, и цветок.

Один другим любуются.
И кажется — целуются!
Да слышится влюблённый шепоток.

Я СИБИРЯК

Я с жизнью ссорился опять.
Кричал, ногами топал.
С подъёма всё летело вспять,
Судьба входила в штопор.

Я долго, долго в удилах
Водил свои нервишки.
Терпел, молчал во всех делах,
С судьбой играя в фишки.

Я прям, как истый сибиряк.
И бури в лоб встречаю,
Как в лоб встречает их моряк.
Чудес в борьбе не чаю.

А знать: с которой стороны
Метнутся стаи фурий, —
Не нам, земли чужой сыны.
Волками ходят бури.

Они на зло не далекѝ.
Смотри! мелькают тати,
Горят глаза, блестят клыки!

С какой, признаться, стати
Бояться подленьких орду!
Дрожат пускай лакеи.
Трусливых нет в моём роду.

Моряк!
Штормит?!
На реи!!

Горжусь! ты истый сибиряк.
И смерть! так спорь усердно.
Как в море спорит с ней моряк:
Глаза в глаза!
И смертно.

И ЭТО ВАЖНО

Мне бы там умереть,
Где река Енисей,
По преданию: будто бы спьяна,
Сделав добрую треть,
Чтобы был колизей, —
Завалилася в горы Саяна.

Вот на том берегу
След бы мне и лежать,
Ощущая родные могилы.

Поезд шёл на Юргу,
Шла сибирская рать
На войну, на немецкие силы.

Всё простил, наконец:
Фронт и плен. А уход
Из России, давно примечаю,
Будто глупый купец,
Крупный, зряшный расход,
Ни себе, ни судьбе не прощаю.

Гибла вся саранча,
Сдох матёрый фашист,
Земляки одержали победу.
Как-то так, сгоряча,
Злобен был, неказист,
Согласился: домой не поеду.

Нервно дрогнула бровь.
Может Платлинг — Лиенц
Помогли . . . От террора устали
Люди. Слёзы да кровь.
Много жутких коленц
От садизма выкидывал Сталин.

Значит, дома — не мёд.
Значит, снова тюрьма.
И встречаться опять с палачами.
Кто ж, на выбор, возьмёт
Вместо жизни — дерьма?
Не поймёшь?! Пожимаешь плечами?!

Всё прошло. Далеки
Люди, годы, мечты.
Никогда не шагнуть к Енисею . . .
Сколько вёрст до реки?
Эка бестолочь ты!
Не сочтёшь . . . Поделом ротозею!

Мне бы там умереть,
Коло близких могил,
На яру, головой к Енисею.
Боль волной утереть . . .
Всех бы, всех бы любил
Успокоенной душенькой всею.

СТАРОСТЬ

Я старость свою различаю:
Смотрите! плетётся опять
Непрошеной гостюшкой к чаю.
И утром, и в полдень, и в пять.

Такая противная штука.
Не купишь: дари не дари.
Придёт, и не выживешь. Ну-ка!
Подвинься! расселась, смотри.

Не очень шепчись, не со сватьей.
Я зол, на слова ядовит!

Смеётся! Видать, наплевать ей
На мой разволнованный вид.

Вульгарна! То ножку подставит,
То пальцем-ревматиком в бок
Пырнёт. На лю́дя́х . . . обесславит,
Боюсь. Пропадёшь, голубок!

Частенько, возьмёт и приснится
Бабуленькой в самом соку.
А утром кричу: поясница!
Ну, смертушка! — встать не могу.

Плешиною в самом зените
Снабдила. Поешь не поешь,
Опять . . . не скажу, извините,
Конфузно . . . А знатная плешь!

И старость тебе не невеста.
Без шуток: возьмёт и кольнёт
То в печень, то в стыдное место,
То просто с хворобой прильнёт.

Прикинется другом нежданным:
Тебе, говорит, благодать!
Пожи́л, и пакуй чемоданы.
Уж скоро!! и ну хохотать.

Стареть суждено. И красиво
В Сибири стареет тайга.
. . . О чём-то задумалась ива,
Шепчась со струёй ручейка.

В чащобе, по ельника сгусткам,
Везде, от реки до реки,
Идут с ревматическим хрустом
Завалы. Прощай, старики!

Над вашими чудо — гробами,
В рублишках — на много сотняг,
Заманчиво пахнет грибами.
Да прёт от корней молодняк.

ТРЕВОГИ ТРЕВОГИ

И снова тревоги, тревоги.
Ночь. Под ногами слизь.
Ах, где-то замешкались боги
С раем. Терпи и злись.

Люби! без любви же труднее.
Можешь и злиться ты:
Ведь льды не чужды́ и Гвинее,
Снег! а цветут цветы.

Душе не пропишешь законы.
В чувствах души не сталь.
Душе поневоле знакомы
Радость и болей даль.

Кому же пенять на тревоги?
В этом — души житьё.
Как солнце — и месяц двурогий
Может согреть её.

СОБСТВЕННЫЕ ДРЯЗГИ

Молчи! О, беспокойный дух!
Чему опять перечишь?
Замолкни! Не нуди́ . . . Я глух
К твоей разумной речи.

Не спорю же! «Мораль!» Мораль
Нужна. И, даже, очень.
Но, выкрашен и всякий враль
В «мораль», как шлюха к ночи.

Ха! «Чувства!?» А скажи, знаком
Ты с ними? В ком приметил?
Иль с чувствами живут тайком?
Скрывают чувства эти?

Секрет ли: в безрассудстве дней,
Сердца стве́рделись в камни

Издёрганных вконец людей.
Не ведать это нам ли?

Причина-то? она двойна.
Я ею всё и рушу:
Неправда, а потом война —
Мою измяли душу.

Запутался. Потом погряз
В липучей лжи тенёта,
В безбожное сектантских ряс.
И нет уже полёта.

Хватился! и любви уж нет.
И Запад — мир не лучший.
Не радует его сонет —
Сухой, всегда скрипучий.

К возврату . . . тяжелей пути.
Пожалуй . . . нет возврата.
И зорькой не меня буди,
Прошла моя пора-то.

Но! ладонкой, мечту одну
Храню, на всякий случай . . .
«Какую?!» — не скажу. Да, ну,
Уйди! Уйди не мучай!

У СПЯЩЕЙ БЕРЕЗКИ

О зачем, берёзонька, увяла?
Иль сдалась неласковым ветрам?
Под расцветок зимних одеяло
Укрываться стала по утрам.

Проскакал зайчонок по дорожке.
Пресмешно, по-заячьи скакал,
О тебе не думая ни крошки.
Но! в лощине тявкает шакал.

О зачем, берёзонька увяла,
Золотую сбросила листву,
Отзвенела ею, отсияла . . .

Поднялись метели к Рождеству,
На сугробы снега, у подруги,
Как гуляки лезут в кабачки.
Да ворожат святочные вьюги,
На бегу швыряя башмачки.

ЗИМОЙ

Значит, снова зима.
Запрягай-ка, Кузьма,
Под резную дугу Пегаша!
Сбруи блеск дорогой,
Бубенцы под дугой,
У гуляк за душой ни гроша.

Дружен снег с кошевой,
И летит, как живой
Позади, да метелица с ним.
Песню! Песню скорей
Про бездомных царей
Запоём! и девчат соблазним.

Больно стать хороша
У коня Пегаша!
А дорога, что скатерть коню.
Значит, доле моей
Не уйти от коней.
А взлетит — и у звёзд догоню!

РОДНАЯ А ПОМНИШЬ

Вверяясь мечте любой,
Гуляли в шелку газонов.
И нашу судьбу с тобой
Кроили на сто фасонов.

А помнишь весны расцвет?
И мы о весне мечтали.
Манил золотой рассвет
В красивые эти дали.

А помнишь? шепнула ты —
«Любимый!» и вдруг смутилась . . .
На речке ломались льды.
Давно ли . . . Скажи на милость.

Родная! а помнишь сон? —
Такие жуки, с усами,
Слетелись . . . И весь газон
Изъели, и сдохли сами.

А вскоре война. Да враг
Погиб и в бою, и в слове.
Но нас разделил овраг
Враждующих двух условий.

Едва ли видаться нам.
Засыпят овраг едва ли.
Не сбыться красивым снам.
По-вдовьи они в вуали.

Конечно, цветы цветут
В каком-то счастливом поле.
А годы идут, идут.
И сердце щемит от боли.

Красиво звучит кларнет,
Мелодия шире! шире!
А нет человека, нет!
В торгующем этом мире.

В Сибири уже заря.
А мне, вот, насквозь потёмки.
Смирись же, не бейся зря,
Слезой не спаять обломки.

Проснётся ли светлый день?
Поспорит ли с тёмной ночью?

Сорвёт ли реклам крутень,
Реклам трескотню сорочью.

В далёком чужом краю,
Тебя и отчизны ради,
Я боль и тоску свою
Сливаю в стихов тетради.

ПИСЬМО НА РОДИНУ Л. И. Андриевской

Привет, привет, счастливица! Вы дома.
А я, вот, позамешкался чуток
В салунах этих нового Содома,
Уродливо прижившийся цветок.

Не вечны мы. И, кажется, мы бренны.
А выставим-ка точку с запятой,
И крикнем в ухо воющей сирены; —
Напрасно ты торопишься с бедой!

Чего орёшь?! как баба с перепугу.
Заткнись! Я не пугливый!
Я хочу,
Сдержав обет малюсенькому другу,
Отправиться за дыней на бахчу.

Мой друг — мила. И лакомка большая.
Кокетлива — кокетством не греша.
Струится как бы словом: «Хороша я?!»
Засмотришься . . . и вправду хороша!

Назад, сирена, с паникой! Не брызни
В нас пагубой, от злобы налитóй.
Ни боль, ни смерть нелепую, но Жизни
Я требую! для жизни молодой.

Так дома, значит, Лидия Иванна!
А я, вот, да не стоит говорить.
Мечта — мечтой останется. Желанна
И, вместе, неспособная на прыть.

Выходит, Вас, таки, не соблазнили
Особняки, машины и ковры,
Нейлоново — ворсистые бобры,
Все блага брюхом думающей гнили.

Они всему учились у «овчарки»,
Надменно задирающие нос
И в пух и в прах всфуфыренные «ярки»,
И важно рассуждавший «меринос».

Поверьте мне: Америка не ими
Красуется, как хата пирогом.
Оставьте их со щами, да с пустыми, —
Им станет и Америка врагом.

Так дома, значит, Лидия Иванна.
А я, вот, неподвижен, молчалив.
Владеет мною странная нирвана: —
В тревоге из проклятий и молитв.

Зачем вражда запуталась меж нами?
Проколотый — проснулся вурдалак.
А мы — его не вытурив рожнами,
Куём братоубийственный кулак.

Плетём крючки и хитрые защёлки.
А ежели спросить у космонавта,
Так мы в одном прописаны посёлке,
Глупя у пограничных у канав-то.

Земле нужны и скромные труды, —
Я мудрости не выпросил у Змея:
Вот Вам — достались Чистые Пруды,
А мне — у приболотья, погрязнее.

СНОВА ЗИМА

Снова зима. Буран.
Мечется снег живой.
Снова, у старых ран
Чуется ной, как вой.

Песни холодных вьюг.
Ест до костей мороз.
Видно . . . всему каюк!
Скоро ль? — судьбе вопрос.

Скажет: «Сейчас!» — не спорь
С нею, не с ней играй.
Жаль оставлять не боль,
Дел непочатый край
Жалко оставить мне.

Сколько хороших дел
Будут молчать во тьме . . .
Сколько свершить хотел!

Знаю, по всем лугам
Вёсен других цветы
Будут. Живым богам
Станешь молиться ты.

Если ж концы узла
Дрогнут в твоей душе,
Значит, не нужно зла,
Значит, — прости уже!

СНЕГ С ДРУЗЬЯМИ

Пуржит снежок —
Детей дружок.
Бежит, пуржит и кружится.
Летит кругом!
Винтом! Бегом!
То вихрь, то чудо — вьюжица.

Кричат дружки,
Летят снежки, —
Хватай руками полными!
Пуржит зело!
Белым — бело!
Вскипают волны — вóлнами.

СОЛНЦЕ НА ЛЕТО

Завтра день опять прибудет
На воробьиный шаг.
Снова грусть мою разбудит...
Залотошит лешак

В дебрях леса, в чаще ёлок.
И запоёт метель.
Вздымет снег — острей иголок,
И навтыкает в ель.

Стерпит ель, дитя приволий,
И не пойдёт к врачу.
Стерпит ель... А я от боли
И от чужой кричу.

К НОВОМУ ГОДУ

Мой взволнованный стих,
Знаешь, друг,
Если ветер затих,
Этак, вдруг!

Значит, будет гроза.
В знак беды,
Склонит ветви лоза
В рябь воды.

Буря взвоет в лесу,
Станет петь.
Дождь хлестнёт по лицу
Будто плеть.

Жизнь жестка — не жестка
Жмись плечом.
Каждый грома раскат
Бьёт бичом.

Сильный ветра бросок,
С тучей брызг,

Ткнулся в берег, в песок,
Пьяный вдрызг.

Знаю, всё до поры.
Дождь прольёт.
С самой трудной горы
Стает лёд.

Будем, спьяна, в цветень
Буйных лип,
Славить каждую тень,
Каждый всхлип

Самой тихой волны
Вдоль бортов.
Волны ж жизни — полны
Щучьих ртов.

Трудно их обойти, —
Чем подсечь?
Лодка вроде бадьи,
В лодке течь.

Вёсла хуже багра.
Только в рай
Плыть. Плохая игра,
В глубь ныряй!

Там и там маята.
Там и там
Нам одна суета
С ней, с мадам, —

С нашей «нежной» душой.
К чьим сынам
Рай-то свой и чужой —
Злобен к нам.

Мой взволнованный стих,
Если ж, друг,
Кто из наших гостих
Счастья, вдруг,

Бросит нам на ходу —
Может с пуд —
Значит, в новом году
Злу . . . капут!

Может, счастье плеснёт
Нам с кормы,
Может в дрожи тенёт . . .
Только мы

Зря с тобой запоём
Гимн побед.
Слишком много во всём
Мире бед.

Слишком много ещё
В мире слёз.

Счастье — в личный расчёт —
Я б не внёс.

ОТВЕТ ДРУГУ

«Вечерний костёр догорел и погас.
Река задремала в тиши темнокрылой . . .

А сердце не дремлет в полуночный час.
А сердце болит о сторонушке милой.

Костёр догорел, а совсем не погас.
И мечется дымчато — синяя птица.
А в груде углей, и не ради проказ,
Горячая искра мечтаний таится.

Костёр догорел, но душой не погас.
Послушай! . . в груди различаешь напевы
Ни угли, ни пепел таким не указ.
Они и в любви — непорочные девы.

Костёр догорел, а поверь — не погас.
Метнулась не дымчато — синяя птица,

Метнулся, волнуясь, крылатый Пегас.
Пора! да смотри — не забудь помолиться.

М. Б.

Неладно у нас завелось:
Ссоры, упрёки, а в час примирения
И вовсе ненужная злость.
Снова всему обострения.

С невиданной страстью в борцах
Бьёмся, да как-то жалея и мучая.
Ах, если бы в наших сердцах
Ртуть не таилась гремучая.

Живём . . . Ни мозоль, ни нарыв
Чувствуем в наших с тобой отношениях.
Ах, только бы, только б не взрыв,
С маской уродства в мучениях.

Во взрыве надежды сгорят,
Все! Без возврата ни лаской, ни силою.
И самый любимый наряд
Маску не сделает милою.

Раздоры не кушают с блюд.
Их не готовят и нежными ручками.
Пойми, человек — не верблюд,
Жить неспособен колючками.

ЦЕРКОВНИКАМ

Храм, где слышатся звоны чеканных,
И шуршанье ажурных бумаг,
Я равняю с притоном поганых,
Как не Божий, а чёртов гамак.

В нём ли, там ли пойду помолиться?!
Для души-то больнее плетей
Видеть жадные рожи, не лица
Человечески светлых людей.

Лжи рога не рога изобилий!
По-язычески жертвенник жгут
Лжи. А правду святую избили.
Ядовит «проповедника» жгут.

Вы — лукавые! Вы не от Бога!
В позолоте не Бог, а кумир.
Вера — вашим богатством убога.
И нужна, как разбойнику мир.

АХ АХ

Ах, разве передашь мелодию весны,
Со всеми чувствами, её тона́ми.
Ах, разве перескажешь радужные сны,
Когда весеннее над всеми нами.

А ежели, бывает, молодость весной
Встречает девушку на час заката . . .
И знойная любовь помножится на зной
Любви . . . Ах, девушка! Персона грата!

И ноченька светлым-светлёшенька, светла!
В хороших чувствах никаких извилин.
И тянется к любви приветливо ветла.
И долго смотрит, не мигая, филин.

Ах, разве передашь мелодию весны!
Весны сибирской, да в бору сосновом!
Ах, разве перечтёшь сокровища казны
Такой колдуньи человечьим словом.

САМООБМАН

О, неужели! Боже мой!
Похожа . . . И она . . . И нет . . .
О, оглянитесь! . . Взгляд чужой,
Сухой, как в старину — в лорнет.

И нелегко её увлечь
В желанное, за *ту* черту.
А по льняной волне у плеч
Любимую найти мечту.

. . . Как бы во сне: была гроза,
Погневался пророк Илья,
А из всего запомнил я —
Предобрые её глаза.

Лишь на заре ушла . . . в туман.
Творец! благоволи жена́м
И во грехах. Иной обман
Мучителен, а нужен нам.

ЗАКАЗ ХУДОЖНИКУ

Пусть судьба грозит разором.
Ты же, вязью слов простых,
Жизнь рисуй своим узором:
Всё своди на нежный стих.

Сделай так: ландшафт неброский,
Мягкость трав, как ткань вигонь,
Пусть звенят мои берёзки,
Пусть у прясло дремлет конь . . .

Знаешь, я всегда тоскую.
Значит, где-то там врисуй
Песню! всем нутром людскую.
Боль поэта в стон впрессуй.

В СНЕГОПАД

Снег! А честно говоря,
Снежность тоже не безделица.
В бледном свете фонаря
Кру́жит чу́дная метелица.

Пла-а-авно кружится . . . И, вдруг!
В целом свете катавасия.
В звёздном месиве подруг —
Грех, и пламенная пассия.

Знаешь, шепчет Аполлон,
Если пользоваться слухами:
Мутят этот Вавилон
Ведьмы киевские с ду́хами.

Чу́дно! Век же не прожить
Нам со светскими манерами.
Лучше с ведьмами дружить
Чем с иными лицемерами.

ПРОВОКАТОРУ

Не трудись, не трудись, лукавый!
Сибиряк глупышу не сродни.
На крючишко на твой плюгавый —
Попадают жадюги одни.

Драгоценность моя не в брюхе.
А глаза не завидны к деньгам,
Не слезят о судьбе — горюхе,
И не молятся «сладким денькам».

Не бывали они в продаже,
И не будут! А встретится смерть —
Не смутятся, не дрогнут даже.
И не жди от умеющих — сметь!

КУРЬЕЗ

И со мною бывали курьёзы.
Рассказать?. . Утомившись в пути,
Прикорнул я под тенью берёзы.
Без нужды старика не буди.

И уж так ли заманчиво снится,
Не любовь, и не денег мешок,
А сама королева — Водица!
Превеликого счастья с вершок.

Ледяные хрустальные бульки.
А по ним, по прозрачным струя́м,
Расплываются словно рогульки...
И дрожат янтари по краям.

Пожалей, королева — Водица!
Притворяться уж мне не под стать, —
Истомился! а нечем напиться.
Ни рукой, ни мечтой не достать.

«Не печалься!» — берёзка ветвями
Надо мной и звенит, и поёт.
«И водицы полнее, с краями,
Зачерпни!» — и черпак подаёт.

От волненья проснулся, в тревоге...
Никого-то вокруг. Лишь вблизи
Воробьишки в пыли на дороге
Копошатся, как чушки в грязи.

С упоением, будто мальчишки,
Как соседи в парной, с огоньком,
Копошат воробьишки — плутишки...

Но, скажи! под рукой, за пеньком,
Углубление, вроде колодца,
С перекрытием, словно чердак,
А в руке — берестя́ный черпак!
И берёзка смеётся — смеётся.

КАК РЕКА

Я в женщине всего сильней
Не женщиной, а грудью
Прельщаюсь. И склоняюсь к ней,
Не к страсти многотрудью.

Часами на её груди,
У сладостной у грелки,
Мечтаю... О, судьба, крути
Помедленнее стрелки.

Уж вырос из пелёнок я.
Уж чуточку лысею.
Ни разу с наготой — нагья
Не бросив Енисею.

Я, лёжа на её груди,
Ни разу не слукавил.
О, реченька, шуми, гуди!
Апостольствуй, как Павел.

Волнуется речная грудь.
Бездонность-то какая
В мечтаниях! Какая круть!
Своя и дорогая.

Заманчивость любви не в счёт —
Со сладостью со всею.
И женщина меня влечёт
Подобно Енисею.

ШТАНЫ

В суровой судьбе непроглядный туман.
А жизнь, как седая крапива.
Скорей заходи в придорожный шалман,
Садись, да заказывай пива.

И пей! выдирая из старых штанов
Репей и другие колючки, —
Годятся ещё! О покупке обнов
Не думай, не хватит получки.

Сегодня поднялся ни свет, ни заря...
Ах, Маша! Красивая Маша...
И любит. Ну, полно, не мучайся зря:
Она хороша — да не наша.

Входи, как домой и в шалман, и в корчму.
Гляди — доскрипишь до могилы
Без Маши . . . Не знаешь ещё — почему?
Штаны-то! Не в этих же, милый!

В. Б.

(Подражание Пушкину)

«Я помню чудное мгновенье . . .»
Я брёл, мечтая о былом,
И, вдруг, зефира дуновенье,
Прохлады ласковым крылом

Взмахнув, как путника пустыни,
Меня овеяло . . . И ты,
У зноя страшного и стыни,
Явясь — разрушила щиты.

Я снова дивное цветенье
Увидел льющимся в сады.
Увидел чудное виденье —
Тебя, как песню красоты.

ЛЮБИМОЕ

Не звени, берёзонька, листвой
О весне — когда тяжка от золота.
Я давно, давно не холостой,
В жерновах любви весна размолота.

А сейчас, берёзонька, уже
Восхищён твоей одеждой лиственной —
С золотой струиночкой по рже.
И люблю тебя любовью истинной.

Улетели шумные грачи,
Отцвели утрами зори — розаны.
И осенних росписей парчи
По лугам и тут, и там разбросаны.

Я надежды сжал в карандаше,
И пишу, пока шагаем посуху,
Что страдать — доверено душе,
А на вёрсты счёт — доверен посоху.

НЕПОНЯТНОЕ

Не легко понять и объяснить,
Но любви загадочная сила,
Как страды серебряная нить,
На седьмое небо возносила.

Оттого ль кружилась голова,
Что лететь над звёздами высо́ко,
Иль твои бессвязные слова
Похмельней берёзового сока.

А до звёзд допелась и свирель
От земной весенней луговины.
Да сердцам нашёптывает Лель,
Мол, в грешеньях люди неповинны . . .

«Неповинны!» Снова не пойму:
На добро ль настраивает идол?
А поверить хочется ему,
Совратитель Богу бы не выдал.

Не напрасно радуется Лель.
Зацвели черёмуха и мята . . .
И святой невинности постель
Не одной бессонницей измята.

О ЧУВСТВАХ

Чувствовать надо уметь.
Мало, одеть их в заботу,
Мало совсем — разуметь
Голоса каждую ноту.

В чувствах и слёзы, и смех
Нежат и ранят до боли.
Душу ж согреет не мех,
Даже и тёплый, соболий.

Помню, я тоже любил . . .
Чувства свои за картину
Прятал. Как скряга таил
Все драгоценности в тину.

Таял судьбы календарь.
Время не ждало, а мяло.
Смо́лы стверделись в янтарь,
Всё нерасцветшее — свяло.

Горько. Кому попенять?
Ветру ль духовной пустыни.
Ветру меня не понять.
Дожил до этакой стыни.

ДУША И МОРЕ

Какого цвета дали у морей?
Скажите! И какого цвета
Душа моя? С наивностью моей —
Она не признаёт корсета.

Когда по морю синяя волна
Гуляет, и шалят дельфины,
Душа моя до змия зелена . . .
И чаще подают графины.

Когда на море буря докрасна
Распышется с людями в ссоре,
В душе моей цветущая весна,
И небо в голубом узорье.

Когда ж заплачут чайки над волной,
То чудится — совсем похоже —
В степи табун, под наигрыш зурной,
Задумался . . . И плачешь тоже.

В ПОИСКАХ КИТЕЖА

Птица вещая — ворона,
Расскажи, в каком краю
Жизнь плешивых без урона,
Зимовать легко старью?

Где раскидистые рощи
С соловьями. Есть загон
Всем рогатым. Ну, а тёщи
На цепи! такой закон.

Чтобы летние зефиры.
Никаких тебе невзгод.
Чтобы Кузька от Глафиры
Отвязался, сукин кот!

Чтобы чаще, как обнову,
Подносили, ну . . . да ну!
Этак, к слову и не к слову,
По одной! одну в одну.

Хочешь, мучайся с Афоном.
Надоело, в карты жарь.
Мне б Вертинский с патефоном.
И житьё же! Бог и царь.

Мне понравились в сметане
Караси, ещё с Оби.
Выпьешь, съешь, и . . . досвиданья!
Тишина. И спи, и спи.

«Знаю!» — каркнула ворона.
«Сразу после похорóн
Приготовься, как барона
Завезёт тебя Харон».

*

Не пойму, зачем жую
Листик саксаула?
Не весна ль опять в мою
Душу заглянула.

И осталась искра в ней
Чу́довых томлений.
Не могу дышать ровней,
С живости ли, с лени ль.

Для чего ж она — весна,
Глупостей громада.
Ни еды тебе, ни сна
Словно и не надо.

Не шути, какой резон.
С жизнью не до шутки.
До утра тревожат сон
Селезни и утки.

Прилетают с важным «кря!»
Щёголи до жути.
В камышах сидят не зря
Серенькие ути.

Потому: кругом весна,
С силой некупимой.
И кровать тесна — тесна,
Если без любимой.

*

Я любил, и верилось корану.
А потом поверилось в талмуд.
Но, мою сегодняшнюю рану
Ни за что и боги не поймут.

Не забыть, как вниз по Енисею,
По волне, как чистый изумруд,
Уплывал . . . И город Мангазею
Находил, лишь паводки сойдут.

У костра, в тайге, не без идиллий,
Не ленился в деле златомой.
И подругам ручки золотили,
Возвращаясь осенью домой.

По реке по-перржнему разливы,
Как моря весенние бурлят.
И подруга коршуна у ивы,
Над обрывом, выведет орлят.

У меня не выросли, вот, крылья.
Не дались в орлиные глаза.
Почесуха мучила кобылья.
Да жила приблудная коза.

Я уже спокоен. Не осталось
Ни двора, и даже ни кола.
У меня бескрылая усталость . . .
У орлят — орлиная скала.

РОБИНЫ

Скажи на милость! прилетели робины.
И, вдруг, почудилась весна. Хотя,
Снежит ещё. По сторонам сугробины.
И я волнуюсь, под судьбой кряхтя.

А птицы — робины, с гусарской выправкой,
Всегда затянутые в свой мундир,
Похоже — заняты какой-то сыгровкой,
Вокруг нацеленных в весну мортир.

Капель посыпалась. И привкус сладости
В её падении. В слезах ветла,
Да вся до капельки, видать от радости,
Что робин чуточку принёс тепла.

СЕКРЕТЫ С ЖИЗНЬЮ

Я старею . . . Жалость-то!
По плешине фонари.
Только ты, пожалуйста,
Никому не говори.

Даже, слышь, намёками
О таком не оброни:
Сердце глушит ёками,
Ни с какой ни с озорни.

Бьётся просто — про́стами,
Не ужмёшь и на винты.
Всё его коростами
Затянуло, как в бинты.

Много было хожено.
В непогоды и в мороз
Грела нас рогожина,
Ну, и скрючила в вопрос.

Много было гадано.
А запомнился, видать,
Только запах ладана,
Неземная благодать.

Били нас дубиною,
Без надежды на бальзам.
Бьют теперь чужбиною
По душе и по глазам.

Бьют уже на «западе»,
Поворачивайся, знай!
Так ли выдал заповедь
Христианскую Синай.

Жизнь моя, покойница,
Получился карамболь.
Кто тебе поклонится
За страданья и за боль.

Может, ради жалости,
При луне, без фонаря,
Люд, сойдясь по малости,
И не много говоря,

Холм под елью строгою
Набросает торопясь,

Вплоть почти с дорогою.
Да оставит, удалясь,

Надпись вдоль окучины,
Меловую, о простом: —
«Здесь лежит замученный
Ненавистников судом».

*

Слушай, весна — непоседа,
Сердце моё не буди.
Кончились дни мясоеда.
Стали труднее пути.

Птичья орава щебечет,
Страсть! А с большой высоты
Падает, кажется кречет . . .
Всех ли спасают сады?

Видно кого-то не стало.
В солнца лучах, у крушин,
Будто бы в гранях кристалла —
Кружится стайка пушин.

Кречет не знает пощады.
Хищник — лишённый сует.
Вёсны его непочаты.
В жизни — всегда мясоед.

Хищны и мы. От удара
В сердце — спасёт ли мольба.
К «правде» ж не суйся без'дара.
Жизнь — не покой, а борьба.

ДЛЯ МАШИ

Не чудо б во встрече,
Да в девушке чудо!

И стало Заречье
Моим попути.

Я шумов у бора
Прошу для этюда.
Скорее ж, о Флора,
Весну разбуди!

Седлаю Пегаса
Мечтой расчудесья.
Пока не угасла
Заря, до девчат

Доскачем без стремя.
А время, как песня,
И песня, как время —
Звучат и звучат.

Эх, выкрасть бы нашу,
И счастье, и негу,
Любимую Машу —
И вновь в облака!

Скорее, скорее!
От ямба, с разбегу,
На крылья хорея!
Прощайте!
Пока!!

ЖАКЛИН КЕННЕДИ

Тебе, обиженной богине,
Судьба сторицею воздаст
За всё.
В торжественном амине
Звучи, молитвенный экстаз,

Души моей.
На аналое
Таком не жертвенник стоит,
А сок живительный алоэ,
И жизни строгий кондуит.

НА СМЕРТЬ ЧКАЛОВА

Сегодня тревожен напев самолётов,
Тревожен и сердце щемит.
Зачем-то и траур в кабинах пилотов.
Об этом и ветер шумит.

Событие страшное всех поразило:
Не верилось — Чкалов! и смерть?!
Его ль победила жестокая сила?
Его ли не выпустил смерч?

Всегда сторонились и ветры, и тучи
Простор уступая ему.
Россиец крылатый! пришёл я проститься,
А смерти твоей не пойму.

Застывшее облако в небе мечтало
О друге стремительных встреч.
Валерий, Валерий! Бунтующий Чкалов! —
Не смог ты себя уберечь.

На суше, на море, и в небе высо́ко,
Моторы тревожно поют . . .
В могилу опущен россиийский Сокол,
Под пушек прощальный салют.

ПОД 1948 ГОД

Что б не случилось под нашей Луной,
Жизнью отсчитано мерой одной
Поровну всем:
В веке двадцатом — сорок и семь

Полночь. Куранты . . . Двенадцать часов!
Чары заздравные. Шум голосов.
Стук у ворот!!!
Это на Новый год поворот.

Милости просим, невыжатый Год!
Мир и любовь! Не заказан приход

К нам. Не скорбят
Очень дипи. Взгляни на ребят!

Милости просим за лагерный стол!
Пенная брага ни атом, ни тол.
Праздник — не бой.
Выпьем на счастье, Сорок Восьмой!

ПАРТИЗАНЫ

Разогнув натруженные спины,
Положив сухариков в торбу́,
За Отчизну, словно исполины,
Партизаны вышли на борьбу.

По дорогам славу добывая
Перейдут Иваны и Кузьмы.
Победят на правду уповая,
Ничего не требуя взаймы.

Мы России преданность всосали
С материнским сладким молоком.
Для врага — любой из нас Сусанин,
И не дрогнув встретится с врагом.

Разогнув натруженные спины,
Положив сухариков в торбу,
За Отчизну, словно исполины,
Партизаны вышли на борьбу.

ЗА ОТЧИЗНУ

Куём мы силу грозную,
Держи огонь горна!
Судьбу счастливо — звёздную
Тебе, моя страна.

Летит лихая конница,
Лучми блестят клинки.
И враг пред вами клонится,
Страны моей полки.

Прямой огонь, и фланговый,
Родную Русь храня, —
Идёт с колонной танковой,
На штурм идёт броня.

С Балкан до вод Балтииских,
Тревожен, точно рой,
Летит орлов Россииских
Стальной крылатый строй.

И счастье к нам воротится
Невестой — всё в цветах.
Так нам с тобою хочется
О, Русь, да будет так!

Славянка злато — русая,
Любви великой дочь,
Ты снова будешь русская,
Моей мечтой точь-в-точь.

ОТ ЖИТЕЛЕЙ ХИЖИН ВЛАДЕТЕЛЬНЫМ ЗЕМЛЯКАМ

Опять себе гнездо
Я вью. Почти до крыши,
Рублей считай на сто,
Его изъели мыши.

Изъели! Вот беда!
Насквозь! Повсюду норки.
Из стен сочит вода.
Везде нужны подпорки,

А в дыры сто пыжей.
На дыры дом не беден.
Зачем винить мышей,
Судьбой и я изъеден.

Седьмой десяток лет
На днях почал . . . Не много ль?

Ведь я — простой валет.
А жизнь не гоголь-моголь.

Она — кремнистый путь.
Ни мать тебе, ни нянька,
Поймёшь когда-нибудь.
Вокруг попроще глянь-ка!

Во всём, на весь размах,
Царит закон насилий.
А мы, в таких потьмах,
Призыв к добру носили.

В лицо смеялись нам: —
«Держи карманы шире!»
Терпел. И верил снам
О братстве в целом мире.

И вот устал. В тиши,
Отжив ничем не знатен
Умру. Но ткань души
Спасу от скверны пятен.

Не принял лжи «острот».
Чужих «идей» пиявку
Сорвал! На свой народ,
Шалите! я не тявкну.

В гнилье гнездо совью,
Пускай умру скитальцем,
Зато, страну свою,
Шалишь! не ткну и пальцем.

И вам, представьте! вам —
Не дам её в обиду.
Пускай трещит по швам
Судьба моя, в хламиду

Пускай оденусь я,
И ем сорта́ вторые,
Шалишь! «мои друзья»,
России рядовые

Её не продадут!
И чем судьба капризней,
Они любви редут
Хранят сильнее жизни.

Себе ж, пока беда,
Довольны кровом хижин.
От хижин нет вреда.
Один торгаш обижен.

Скулит один торгаш, —
Такой ничтожный случай
Для нас. Да гонор ваш
Воротит нос гадючий.

Ужи! Ужи, ужи!
Сказать о вас о «барах»:
У вас же нет души,
Она у вас в товарах.

. . . Синела утра рань —
Дитя иных порядков.
А я шагнул за грань
Своих шести десятков.

Они — высокий холм.
Не ниже «их высочеств».
И я, как песней полн
Родных имён и отчеств.

Слышна и наша речь
С Манчжур до волн Дуная.
И есть кого беречь,
И есть за что полечь
Костьми, моя родная!

Чужих стремлений бог,
И все его святые,
Меня, как сотня блох
Изжгли. Врали пустые,

Шепча, что май листвой,
Грозя, как бык рогами,

Старались всей братвой —
Корить «чужой» жратвой,
Смутить меня деньгами.

В один из грозных дней,
Я прямо крикнул Будде,
Что нет Руси родней!
И нет! и век не будет!

Трудись и пой, душа,
О днях хорошей были,
Когда у крыш, шурша,
Касатки гнёзда вили.

Касатки, помнишь ты,
Любили крыши хижин.
Огнём моей мечты
Один торгаш обижен.

А дом и я люблю,
Хороший дом, красивый,
Такой — под стать рублю!
Люблю берёзку с ивой

Вблизи. И гладь дорог,
Гараж, машину, садик,
Из наших рыб пирог.
Люблю, торгаш — кусатик.

Не здесь, не здесь, а там!
Куда мечтой и песней
Летишь, как шмель к цветам.
И нет её прелестней,
Её — родной земли.

А здесь — повсюду волки.
Но, вот, гудят шмели,
Видать не всех смели
Врали в свои кошёлки.

Ещё одно жильё
Слепил себе отшельник.
Помыл, убрал гнильё
К особым дням, в сочельник.

Присел . . . Раскрыл тетрадь.
Вздохнул . . . Но чур не плакать!
Пиши, а зря не трать
Стихов святую рать —
Меся базаров слякоть.

Иди на смерть, а пой!
Рифмуя им мандаты,
Как воин ходит в бой,
Как в бой идут солдаты.

С мечтой своей дружи.
Покуда в ней прикрас нет —
Огонь её души
И ночью пусть не гаснет.

Пускай ворчит торгаш,
В постели с боку на бок
Крутясь. Любви багаж
Он прóдал, вот и гадок.

СЕНТЯБРЬСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Полюбились мне погоды сентябрей.
И судьба тогда, и солнышко добрей.
Не томит тебя и лихо не печёт.
«Человек ты мой, ты выслужил почёт!» —
Золотое солнце словно говорит.

«Человек! земли и царь, и фаворит,
Полюби её и вечно береги».

По лесной тропинке, прямо до реки,
Довела с собой козлёночка коза.
Над водою будто дремлет стрекоза.
На кувшинке пара жёлтых лягушат.
Тишина. И даже мухи не жужжат.

Землеане наши к новым городам,
По другим планетам, то есть — по домам,

Разбрелись, построив чудо-корабли.
И остался здесь, садовником земли,
Бестолковый я.

А в душеньке покой.
У реки сижу, над самой над рекой.
На кувшинке пара милых лягушат.
Посидят себе, и даже полежат.
Наблюдает их последняя из душ:
Стрекозу, козу, козлёнка и квакуш.

Океаны всех шести материков,
Красоту целуют чистых берегов,
А не пляжи, там, не масленую грязь.

Красоте земной охотно покорясь,
О любви поёт мечтатель сибиряк,
Примостив свою лодчонку у коряг.
В сентябре у неба мраморная высь . . .

Землеане где-то там и разбрелись,
На земле построив чудо-корабли,
На доллары кто, а кто и на рубли.
И пошли! в межзвёздный врезавшись туман.

Но, иная жизнь — простой самообман.
Не любовь найдут в пространстве, не уют.
Подожди-ка, скоро волком запоют
Космонавты. Им захочется домой.
Не сживутся с лютым холодом и тьмой.
Облысеют, или шерстью обрастут.
От истомы станут чахнуть, от простуд.

Стрекоза балет танцует над прудом.
У козлёночка с козой роскошный дом.
Красотой они земною дорожат.
И садовник с парой чудных лягушат
Засмотрелись друг на друга . . .

В сентябре,
В паутинах воздух будто в серебре.
Сколько прелести! особенно у утр:
Росы — розаны, а небо — перламутр.

Затонули в небе чудо-корабли.
На земле по ним отвыли кобели.
Замурует их в пространственном кремле.
Человеку жить да жить бы на Земле.

БЛИЗНЕЦЫ

Пленясь сентябрьской красотой,
Похожей на цветущую весну,
Любя рябиновый настой,
И тоненьких берёзок желтизну,
Мечтаю, в чувства углубясь . . .
Поэт же и людского не лишён.

Казнить виновника! за связь
С берёзками, как с тысячею жён.

Казнили.
Душенька ж его,
Рискуя не рублёвкой на ребре,
Пришла без страха и тревог
В берёзовую рощу, в сентябре.

ВОСТОК И ЗАПАД

Снег и солнце вперемежку,
Ни рассвет, ни тень.
Солнце выглянет, в насмешку,
И опять крутень.

Вспенен сонмищами Запад, —
Не дремли Восток!
Горя хватишь за глаза, брат, —
Сибарит жесток,

Зол. А набожные ханжи
Не перечат злу.
Взрывов атомных оранжи
По душе ему.

ОНА ВСЕГО ОДНА

Опять хороший сон.
Приснилась Доброта.
Приснилась в образе любимой.
Сошёл, казалось, он
Года и города
Минуя, в силе негубимой.

Такой она была
Со мною до конца,
Лучась прощением и светом
На все мои дела.

Немедленно гонца!
Что я раскаиваюсь в этом!
Послать гонца!

Куда?
Звезда ли почтарю
Укажет нужную тропинку?
Трафалгер сквер?
Иль Рю Дарю?
Прочесть конверт труда
И нет.

Благодарю.
Такая вычурность в новинку,
Признаться, мне . . .

Души
Стремление не кладь,
Не нить запутанная Паркой.
Но раны так свежи.
Душе ль располагать
Почтовым адресом и маркой.

Она! — всего одна
На свете. А со мной
Была единственным и светом.

В какой глуби до дна,
В небесной иль в земной,
Страданье выпито поэтом.

ТРУДНЫЙ ОТВЕТ

Мне шестьдесят. Тебе двенадцать.
Пречистому любви твоей
В чём повиниться? В чём признаться?
Угодна ли молитва ей

С верой иной, иному богу,
И раю, и его святым.
Как оценить твою тревогу?
С курильника рванётся дым

К небу любви — любви попутчик
И юным, и уже старью.
Ты хороша, как первый лучик
Рассвета в солнечном раю.

Кто б не воскликнул: — «это ж чу́дно!»
Над каждым и колдует страсть.
Так нелегко, и так нетрудно
От лучшего тебя украсть.

Боже храни тебя, Петруся,
От ложного! Иная речь
Мне не к лицу . . . Я сам беруся
Тебя не для себя беречь.

СНИТСЯ ПЕСНЯ

Листва опала. Тишина . . .
Уже моя калина
Красы осенней лишена.
И дремлет вся долина.

А коршун плавает над ней,
Как чёрный дух, колдуя.
Душе немного холодней.
Душа! куда иду я?

Куда, несчастная, зовёшь,
Мои мечты тревожа?

Зачем запуталась, как ёж
В тряпье ночного ложа?

Ни сплю, ни бодрствую, а сон
Один и тот же снится.
Ни «бой», ни «кнабе», ни «гарсон», —
Мальчишка! наш возница!

Да наш просёлок, да река
С водой светлее света.
Да речки этой берега,
Да стог, как шапка с лета.

И песня . . . Песня вдалеке.
А в ней родная Русь . . . Я
Молюсь то полю, то реке, —
Судьбе такой молюся.

ЭЛЬЗА

Виновата во всём Луна.
С поцелуем взасос, до крови,
Закипела у губ слюна,
Застоналось враспев коровий.

У любви штормовая круть.
Переполнены страстью тони.
И счастливец целует грудь
Наголо, и зажав в ладони.

Одарившая всем своим —
Зацелована вся донельзя.
Ах, и славно же нам двоим,
О, моя . . . о чужая Эльза.

ТВИСТ

Музык всех визгливые голоса.
Баб, у всех, всшпынявленные волоса.
В такт и просто бухает барабан.
Зад её отклянченный, как шарабан.

Баб корёжит россыпью и гужом.
Всё «олрайт», а словно бы и нагишом.
Ты и это сбросила, а потом —
Всё его попихивала животом.

Много в твисте пошлости и зуды.
В твисте нет ни удали, ни красоты.
Твист хорош бы пугалом на бахчу.
Видя твист — я женщину не захочу.

ПОСЛЕДНИЕ ПЕСНИ

Пирушка кончается. Скоро рассвет.
Осталось вина, как причастья.
Пьянящими спорами «новый завет»
Не вычерчен людям, для счастья.

И проще уже о любви говорят,
И делятся проще любовью
Ленивые пары танцоров. Парят
Они, как орлята над новью.

Ленивые вальсы рокочет баян.
Да тени, чудесные тени!
Кружа, достигая подлунных полян —
Трепещут от неги и лени.

Вот жизни бы! Жизни не вымолишь, о!
Ни в жизнь у зовущей чудесни,
Где тихо, распевно, но так хорошо
Поются последние песни.

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Время грустной красоты.
Словно в дрёме сновидений
Всё задумалось. О, ты —
Сказок выдумщик осенний!

В грудах золота и ржи
Звоны в тяжкие колосья.
Слушай! слушай, одолжи!
Чтобы радостней жилося.

Где-то правдишная Русь
Зреет в золоте и силе.
Грусть! безвыходность и грусть
Мы оттуда уносили.

Осень. Осень — красота!
Если выписать с натуры:
Нас казнили без суда,
Брили бритвой диктатуры.

Всё прошло. Передо мной
Только прелесть увяданий.
Может с тяжестью земной,
Может с радостью свиданий.

САМ С СОБОЙ

Запой! Горючая истома
Твоя желаньем рождена:
Побыть хоть чуточку бы дома,
Разбить изгнанья ордена

О первой радости крупинку,
Разбить бы вдребезги, ой-о!
О русских высей голубинку,
О слово первое её —

С рукой родного человека.
И это душу озарит.
И, вдруг, слезиночка на веко
Повисла, будто хризолит.

ЧЕРЕШНЕ

За окном моим с черешней
Ветерок ведёт беседу
О поре хорошей, вешней:
«Не забыть! А помнишь, в среду,

Тишина была немая,
Налетел тогда я с юга
Пробуждая силы мая
Для тебя, моя подруга . . .

И качнула ты ветвями,
Занялась в цвету весёлом.
А потом, со всеми вами,
И хлопот же было пчёлам!

Восхищались люди, будто
Говоря о знатной даме.
Созревало ж всё не брутто
На ветвях твоих плодами.

А теперь усни, не бойся
Погружаясь в дрёму — негу.
Потеплее вся укройся.
На мороз — доверься снегу.

Зажурчит когда ручьями
Молодой апрель по склонам —
Размывая дни с ночами,
Загрустив о всём зелёном,

И сдана когда скворешня,
И лучист восток утрами, —
Ожидай меня, черешня!
Прилечу и я с ветрами,

Облечённым, всей аллее
Расскажи, законной властью:
Обласкать тебя теплее,
Обнимать со всею страстью».

СЛЕДЫ КОЛЕС

Ушли мои поля, леса
За след неровный колеса.
В пыли дорог, вплотную с росами,
Следы тянулись за колёсами.

Теперь не то. Теперь широк
Настил бесследный у дорог.
Любую боль, с любыми ссорами,
Уймёшь бесчувственно рессорами.

Уняв, забрось любви печать! —
Тебя нетрудно укачать.
А есть такая боль — заботина
В душе, навечная, как Родина.

С неё не смыть следы колёс
Ручьям из жалоб и из слёз.
Такой дорогой кто ж поступится!
В слезах такое не окупится.

Любовь нельзя равнять с рядном.
Мечтай роднее о родном
Своём. И сладость слёз узнается,
Когда от счастья зарыдается.

ПОД НАСТРОЕНИЕ

Все стихи. И песни спеты.
Закрывается алтарь.
Всё исполнил, все заветы
За сегодня и за старь.

Снял стихарь, снимаю рясу,
И кадило на крючок.
Кончен пост, приступим к мясу,
Подавай и табачок.

Ставь селёдку, ставь и водку,
Ничего не оттолкнём.

Мне б ещё погреть молодку
Догорающим огнём.

Этак . . . всю б её. А если,
Продолжая . . . от бедра!
Все б святые враз воскресли,
От Адама до Петра.

Сладок мёд, сладка ж и баба!
А поэт не кардинал.
Братцы! даже римский Папа
От тоски бы застонал.

ГОЛОСА

Торопя заканчивать уборку,
Открывает солнце для людей
На тепло малюсенькую створку,
Как скупой хозяин для гостей.

В небесах разбавленные сини.
Ястреба садятся на шесты —
Не дремали б суслики разини.
Вот тогда-то звóнки и чисты́

Голоса людские над полями.
Не создашь такое напоказ,
Не запишешь всеми писарями,
Не вместишь, как музыку в рассказ.

А давно — давно, как наказанья,
Голоса родные не звучат
Для меня. Но, прежних угасанья
У души мучительно журчат.

И зовут настойчиво куда-то.
За меня, как будто бы, взялась
Человека, сына и солдата
Призывать — имеющая власть.

Не приказом строгим, не укором,
А даёт не сонный порошок . . .
И толкуй, вот, чувствам — непокорам,
Что везде на свете хорошо.

Свечерело. Ожили деревни.
По жнивью снуют перепела.
Красота! и сказка о Царевне,
Что, когда-то, Золушкой была.

Извнутри освеченною шторой
Сбережён и отдых, и уют
Человека — друга, за которой
Хорошо и радостно поют.

Ах, скажи, пожалуйста, на милость, —
Объяснений всех не вороша,
Ну, зачем, зачем ты затаилась
Под окном, несчастная душа?

СНЕГ И МОТЫЛЕК

Снег . . .
По логу
Снег.
К порогу
Будто зверь косматый лёг.
Это ж чудо!
Ты откуда?
Ты откуда, мотылёк?!

Спутал ямбы,
Свеев с лампы
Вместе с пламем фитилёк.
Это чудо!
Ты откуда?
Ты откуда, мотылёк?!

Ветер с бою,
Слив с пургою,
Мечет снег и огонёк.

Это чудо!
Ты откуда?
Ты откуда, мотылёк?!

Может где-то
Вёсны, лето . . .
Будит зори королёк.
Это чудо!
Ты откуда?
Ты откуда, мотылёк?!

Тянут «стоп»ы
К людям лапы.
Может мой и недалёк . . .
В этом чуда
Нет покуда.
Ты откуда, мотылёк.

МОЛОДАЯ СТАРОСТЬ

Звени, звени, малиновка,
Туши людские ярости.
Сестра рябин, — рябиновка,
Возьми меня из старости.

Ну, тянем! рюм-за-рюмочкой,
Несчётно, счёт утратили.
С судьбой моей угрюмочкой
Сегодня мы приятели.

Смотри! звезда далёкая
Глядит на наши шалости.
А сердце, сладко ёкая,
Живёт . . . И нет усталости.

ВЫБОРЫ

Обещаний куча! Трескотня!
Рукожмёт и чмокает «оратель».
А потом, да с завтрашнего дня,

Не дойдёшь до «избранного» пня,
Берегут от вас и от меня: —
Не убил бы, стерва — избиратель!

А за что? Мы знаем наперёд:
«Кандидат» — петрушка-заводнушка.
Без стыда кривляется и врёт,
Отзвони́т — и всё наоборот,
Ненавидит правду и народ.
Поневоле «избранный» — петрушка!

НЕ ПОЙ СКВОРЕЦ

Не пой, не пой, скворец!
И пышную осину,
Увы, и твой дворец
За медленную зиму

Продует ветер — норд.
Волнующие трели
Согнёт — за первый сорт —
Не радугой в апреле,

Завьёт в крутой куржак
Славянскими витками,
Сличая каждый шаг
С прошедшими веками.

Ответь! За всё ответь!
За Бога и за «папу»,
За то, что спал, Медведь,
Посасывая лапу,

А рос Китай да рос.
И солнце пожелтело.
Теперь, опять вопрос:
Напруженное тело

Своё Дракон куда,
Рыча и свирепея,

Метнёт? Опять Орда?
Чингисова затея

Опять? Но, в чью же грудь
Открытую, иль в спину,
Вопьётся эта жуть?
И пышную осину,

Скворец, и домик твой
Сдружившийся с ветвями —
Со всею их листвой
Повывернет с корнями

Жестокий ветер — ист.
И станет править миром,
Рождённый за Памиром,
Ни Бог, ни коммунист.

КЛАДБИЩЕНСКИЙ НОВОСЕЛ

Дай прислушаться к шуму вешнему!
Будто помнится этот сад . . .
Всё, как водится, всё по-прежнему,
Всё, как тысячу лет назад.

Так же вешали, так же резали,
Та же стража у стен тюрьмы.
«Преды» разные — те же цезари.
Те же, Божия Матерь, мы.

Те же молнии, те же радуги,
Тот же в песнях родных накал.
Эта — с Каспия, эта — с Ладоги,
Эту вынянчил наш Байкал.

Мне особенно песня помнится
Где несчастную душит Змей.
Сильно плакала мать, покойница,
Дети плакали вместе с ней.

Те же выгоды, номер к номеру,
Прячет в банки лихая дрянь.
Та же шушера ходит по миру.
Ранит солнце живую рань.

Правда всякая, лучше нежели
Ложь — красивая, даже, ложь.
Спросят ежели: — нас не нежили,
Нас ценили почти ни в грош.

Выжить было трудней и вырасти.
Шли и шли, в холода и зной,
В пóры вьюжные, в скользкой сырости,
Весь без отдыха путь земной.

Дай прислушаться к вешним говорам,
Мне ж не думать о завтра дне,
Мне не выпало с жизни поваром
Быть в приятелях, быть в родне.

Кто-то любится, кто-то ссорится.
Эти — гордо ведут детей.
Всё по-прежнему . . . Стонет горлица,
Тоже много вокруг сетей.

Там черёмухи, здесь акации.
Весь в сирень затонул фасад.
Всё, как водится в вешней грации.
Всё, как тысячу лет назад.

В ПОРЫВЕ

Жажду бури! Разрушенья!!
Прочь! Не трогай! Не туши!
После, вырастет женьшеня
Корень, прямо из души.

Прочь от пламени! Не трогай!
Сердце мечется в огне,
Дымка виснет над дорогой,
Искры прошлого в окне.

Сердцу можно ли слукавить?
Душу можно ли объять?
Как?! Упрёшься в облака ведь!
Прядь цепляется за прядь

В спорах пламени и бури,
В этих спорах вековых
Тьмы кромешной и лазури,
Сил добра и роковых.

Знает заросль чернобыла
Сколько горького я снёс,
Сколько вымучено было
Слов раскаянья и слёз.

Всё несбыточное сжато
В боль — отвергнув мишуру.
Вот и мечется душа-то,
Сердце плавится в жару.

Здесь огонь не от лучины.
В нём стремленье, а не прыть.
С жизнью строгой без причины —
Нужно строго говорить.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Только ветер
Кру́жит долом
С лаем, с визгом,
Точно сеттер
В счастье близком.

Бедный зайка!
Жмётся к тыну
Птичья стайка.
В лесе голом
Ветви стынут,

Ноют ветви.
Ветер, воя,

Будто треплет
Струны бедствий
После боя.

Будто в струны
Этой вести,
Сея трепет,
Дуют вместе
Все Перуны.

Очень сложно,
Очень просто,
Слив в едино:
Скрип телеги
Вдоль погоста,

Боль элегий,
Дождь и слякоть, —
Вот судьбина!

Значит, плакать? . .
Плакать можно.

ТАШКЕНТСКАЯ ЛЕГЕНДА О ВИХРЕ

Там, вдали, за горой за Уралом,
Я слыхал про легенду одну,
Будто можно, владея кораллом,
Раз в году — поразить Сатану.

День такой истомит тишиною.
Знойный день, как начало любви.
День, когда называешь женою
Ту — кого не купить на рубли.

Этот день, накалив до предела,
Вдруг, взметёт, завихрит! . . И столбом
Вспрянет грозно змеиное тело,
Аж до неба дотронувшись лбом.

Будь живым! Не теряй ни минуты!
Нож скорей об коралл наточи.
Пусть скрежещут Иуды и Бруты,
Пусть кричат от испуга грачи,

Будь собою! разбегом и взмахом,
С духом ада сойдясь, без возни,
Вспыхнув ярче ножом, а не страхом, —
Прямо в сердце врага полосни!

Вот и всё. Доверяя легенде,
Он сегодня не встанет уже.
Есть легенда такая в Ташкенте.
Скажут: «враки!» — А кровь на ноже!?

РАЗДЕНЬСЯ ЖЕНЩИНА

Разденься, женщина, совсем!
Убей не нравственность, а ложь!
Не шесть, творения, а семь
Из дней, — последний и хорош.

Когда восторженная ты
Познала правду бытия.
Когда . . . и первые цветы
Поднёс, а может быть и я.

Гнилое в «нравственность» не смей
Свершить кощунственного ты!
Не Змей, о женщина, не Змей
Твоей коснулся наготы,

Но Сам — прекрасного Творец —
Тебя влюблённо целовал,
Как жизнь, как лучшего венец,
И Бога Матерью назвал.

И ты была обнажена
Пред Ним и всеми. Почему
Его пречистая жена,
И мать предвечная всему,

Своей стыдишься наготы
Теперь? Не совестно, поверь!
Одни вонючие коты
Побрызжут пакостью. За дверь

Котов прогнать, да поучить!
По классам нравов пачкунов,
Набив носы, поволочить,
Потом в крапиву без штанов!

Разденься, женщина! Раздень
Одетых в глупости и нас.

Луна не выпуталась . . . Тень
На всём . . . И сумрачен Парнас

Лишённый дивной красоты.
Его понурые стада
Почти не движутся . . . А ты
В одеждах ложного стыда.

Разденься, женщина, совсем!
Хрусталь не создан из слюды.
Не мне, родимая, а всем
Нужна естественною ты.

СНОВИДЕНИЯ

Ноченька уж очень коротка.
Время ли до тысячи хотений
Ежели намучаешь бока
Множеством тревожных пробуждений.

Поздно! А бывает, иногда,
С полночи сверкающая фея
Явится, расщедрится — беда!
Ноченька сокровищей Морфея.

Прошлое? Конечно же оно!
Грустного и светлого страницы . . .

Снилось: у села Торгашино
Вызрели, как золото пшеницы.

Сердце застучало золотей,
Этак в сновиденьях повелося:
Звуки принимаешь за людей,
Девушек за спелые колосья.

Ночью далеко ли до чудес:
Жадина ощупывает кассу,
Умный обитает у «Одесс»,
Глупый приценяется к Пегасу.

Этот в сновиденьях старожил.
Много с чудаками совпадений:
Трудится . . . А, смотришь, заслужил
Целую охапку сновидений.

СИБИРЯК И ЖИЗНЬ

Стонет сын Сибири, —
Беды изожгли.
Годы будто гири
На́ сердце легли.

Хватит бредить раем.
Сплыли простачки.
Сядь, ещё сыграем
Разик в дурачки

С Жизнью, с этой штукой.
Жадной и скупой.
С самой хищной щукой,
Падкой на разбой.

Часто с ней играли
В «счастье стариков».
Сколько злой морали
Здесь для дураков!

Туз кладёшь с увёрткой —
Козырь! не буза.
Смотришь, бьёт шестёркой
Главного туза.

Стыд! судите сами,
Сваришься, как рак.
Глядь! опять с тузами —
Форменный дурак.

Стонет сын Сибири.
Жить ли солоней!
Сердце словно чирей,
Чирея больней.

Знать стекло — не камень
С чистою душой.
Отблеск там — не пламень
Жизни, и чужой.

Так-то, мой хороший.
Так ли, иль не так:
Жизнь, твоей не плоше,
Есть и за пятак.

МНЕ БЫ

Мне бы радости немножко.
Только стукнула б в окошко.
Пусть отсыпала б в лукошко
Самой скромною рукой.

Мне бы дружества теплинку,
Ласки б самую пылинку,
Мне бы веточку — талинку
С речки самой дорогой.

Всё пакую с потрохами,
Боли с прошлого грехами,
Боль в тетрадях со стихами, —
В жим дорожного ремня.

В путь! Бросаю миллионы
Здесь, нуждаются бароны
В них и хищные вороны.
Это всё не для меня!

ЛИСТИК И МИСТИК

На дереве качнулся листик,
Из множества — всего один.
Ну, полноте, несчастный мистик,
Неписаных творец картин,

То ветер! То его причуды,
Любителя людей смущать.
Ах, нет! то красоты этюды,
А в листике — любви печать.

Я страстною своей мечтою,
За тридевять чужих земель,
Дорогой не совсем простою,
Стремился, как влюблённый шмель

К цветку неповторимых линий,
Из дней невозвратимых снов . . .
Он нежно — лучезарно — синий,
Как небо, как любовь без слов.

О, шмель! не подведи, исполни
Желание души моей.
Любую оседлай из молний,
Как стёжку поперёк морей.

Лети не уставая, с гудом
Шмелиным, как почтарь — трубач,
Как трýбит, обуянный чудом,
Для важенки олень — рогач.

Дремучие, стоят шатрами
Зелёные всегда леса.
Полмира обняла ветрами
Могучая Сибирь — краса.

И где-то, на её просторах,
Утрачена моя любовь.
Измучившись с собою в ссорах
За прошлое, я вновь и вновь

Мечтаю . . . А стремлюсь мечтою
К одной из дорогих страниц,
С молитвою совсем простою:
Припасть бы . . . и склониться ниц.

НО ПЕСНЯ

Ты плачешь от песни, а я
Страдаю без звука.
Любимая песня моя,
Как сладкая мука.

Болит, как хорошая боль,
Как первое чувство
Любви. По-другому, отколь
Взялось бы искусство

Без звука страдать и болеть
Зажатому в клещи
Судьбы . . . А свистящая плеть
И хлещет, и хлещет.

Я силы у песен беру,
Как в студии пенью,
Учась понемногу добру,
Учусь и терпенью.

Глаза б иссушил я от слёз
На Запад глазея.
Да песня! я песню принёс
С реки Енисея,

Родную. Она и спасла.
Не смейтесь, кликуши,

Без песни-то, как у осла
Качались бы уши.

Утратил бы веру в себя,
Не верил бы другу,
Пенял бы, простудой сипя,
Востоку и югу.

Но, песня! осколок былья
С реки Енисея.
Без песни годился бы я
В пример ротозея.

Ты плачешь от песни, а я
Ещё не рыдаю —
Свои вспоминая края.
Но, тоже страдаю.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

Снова в диком Нью-Иорке
Съехалися нации.
Кто сразиться в поговорки,
Кто для спекуляции.

Вечно ОНочка в обмане
Злыми крокодилами.
Чахнет ОНочка в тумане
С ложными светилами.

Счёты: в Конго, во Вьетнаме,
В кипрскую затеечку,
Каждым папочке и маме
Вскочут ох! в копеечку.

В этом ОНовские будни:
Съедутся, «условятся» . . .
Этак ОНовские блудни
К праздничкам готовятся.

ПОЭТУ Е. ЕВТУШЕНКО

Запрещают, а ты пиши
Про своё золотое время,
Под Луною, в ночной тиши,
Красоты сортируя семя.

Из цветов заплетать венки
Начинают плутовки музы.
Замелькали, стрелков с руки,
Беспощадных амуров пузы.

А наступит в стихах запой,
Не перечить же сердца зову!
Настрадавшись до слёз с тобой,
Покорится и лира слову.

И склоняясь к стихов строкам,
Красота же в меду и в перце,
Голопузым своим врагам
Оставляй неприкрытым сердце.

Поражаемый, ты — велик,
Одержимый святою болью.
А поэт и шипы вериг
Натирает раствором с солью.

Запрещают?! а ты пиши!
Размахнись, да со страстью в стоне,
Твердолобого в лоб круши!
Не свалился, поплюй в ладони!

Не всегда же и «Взмах Руки»
Обращается в «Нежность» песни.
И наотмашь, с иной строки,
Осердясь, тугоума тресни.

УСТАЛЬ

Отдохнуть. Неужели, уже
Утомилась душа?

И судьба, на забвенье, клише
Отольёт не спеша.

По лугам и полянам Руси,
В самоцветах росы,
Наберёт о поэте курсив,
Не испортив красы.

И никто не уронит слезу.
Но, как славы зенит,
Мелодично, пичуга в лесу
Обо мне прозвенит.

НОВОГОДНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

В циферблате никому ты не родня.
Нет секунды, нет минуты, нету дня!
Не обманешь, молодей не молодей.
Даже в «сотнях» мало лет и мало дней.

Под Луною отцветают месяца.
Хошь не хошь, а Жизнь вонзает смерть в сердца.
А хотелось бы поверить чудесам,
Знать бы — ты сидишь в котором чуде сам?

Заколдован, а в котором пятаке?
Впрочем, знаю: тайны жизни спят в тайге,
За печатями, и спрятан хуторок
В дебри хмурых гор. И нет к нему дорог.

УНЫНИЕ

Полагалась бы ижица
Мне ремнём.
Ничего же не пишется!
Друг, замнём

Неприятную сторону
Всяких зол.
Не придётся ли вóрону
Сшить камзол.

И вещая, и каркая
Вскрикнет вран!
И девчоночка жаркая
С наших стран

Пожелает пожаловать
К нам с тобой,
Попылать, попожаровать
Той судьбой,

Что зовётся завидною . . .
Ей видней.
Разлучила б с ехидною
Наших дней

Истомлённых изгнанием
В жизни сей.
Изморённых незнанием
Правды всей.

О ВЕЧНОМ

Сколько шагов до смерти?
Сколь, за одно, до Рая?
Если пятьсот! поверьте,
Я б отшагал играя.

Схватит какая болька,
Что же, на то и старость.
Пусть бы кольнула, только,
Самую, значит, малость.

В день бы кончины — вёдро
Чтоб «на большой», с присыпкой.
В Рай зашагнуть бы бодро,
С милой такой улыбкой.

Всё начинай с аминя.
Если ж Ревекка с Саррой
Спросят: нужна ль газдыня?

М-м-м-м . . . чтобы была не старой,
Груди б — что грудь то дыня!

Яблок-то в Рае кучи ж!
Розовый всё наливчик.
Пенсию там получишь,
Сразу газдыне лифчик.

НА ДЫБЕ ЖИТЕЙСКОЙ

Пусто в поле.
Пусто, пусто!
Стон до боли,
Боль до хруста

Ломит кости.
Силы тают.
Злые гости
Дух пытают.

Парень крепок!
Нем, как рыба.
Значит, этак
Стонет дыба.

Душу рвали,
Рвали тело . . .
Эй, каналья! —
Ты кряхтела?!

МИР КАК МИР

Мир высок
И прекрасен всерьёз.
Сладок сок
У весенних берёз.
Мир широк.
И, как Дьявол красив!

Трубишь в рог,
Потрясая массив

Всей судьбы.
А она, не скажи,
С час ходьбы
От межи до межи.

Где следы
От земли к небесам,
Край плиты
Отодвинется сам —
В тьму́ и смрад,
И крысиный испуг.

Весь парад!
Не замешкайся, друг.
Мир хорош,
А зачем горевать?
Станет рожь
И без нас вызревать.

СТАРОВЕР

Молчите, цветы и травы!
На лирику мода угасла.
Любимая дочь Вараввы
Железами шпорит Пегаса.

И музы . . . нужны ли музы?
Не мода писать по-старинке.
Пускай продают арбузы,
И жить привыкают на рынке.

Кричат о *таком* поэте: —
«Талант самобытный и яркий!!»
Который мусолит эти —
«Доярки! Доярки! Доярки!»

Без чувства, без всякой меры:
«Шахтёры! Монтёры! Бригады!» —
Бросает жонглёр химеры,
А ловит награды, награды.

Молчите, цветы и травы.
Любезничать с вами не мода.
Съедят за такие нравы.
Скопцы ж не хмелеют у мёда.

СКВОЗЬ ПУРГУ

Фары не могут пробить катавасию.
Фары не в силах бесовскую пассию
Светом проткнуть. И не видно дороги.
Кто-то большой, с бородой, многорогий

Пляшет с пургою, кружась в упоении.
Словно болящий в тифозном борении,
Спорит с бедою своей неминучей,
Спорит с тяжёлою снежною кручей,

Жизни и смерти сшибая стремления,
В муках — вгрызая проклятья в моления.
Жизнь без кипени уже — небылица.
Даже дорога и та шевелится.

Вновь надо мной заварили созвездия,
Будто шипят: — не уйдёшь от возмездия!
Хочешь! к обрыву направим колёса,
Вызнаем — много ли духу у росса?

Снег да огонь! да машины предплечия.
Льдистая песня с чужого наречия.
Светом сигналил, рожком кукарекал,
Тормоз намучил, насилу доехал.

О НЕНАВИСТНИКАХ

На чужой земле не пряники.
На чужбине не в гостях.
Выживают только дряники,
Пробиваясь на костях.

Прижились ещё кусатики,
Полюбившие доллар,
Подставляя гомам задики, —
Из дешёвеньких товар.

Поглупев, жиреют здорово.
У продажного и речь
Отзывает хрюком борова.
А таким и не перечь!

Ничего не будет понято.
Изовьются, как ужи,
До чумы напустят вони-то, —
Лишь о Родине скажи.

УБЫТКИ УБЫТКИ

Как будто вторят волне
Рыбёшек звонкие всплёски.
Но, молча, вторя желне,
Цветут кукушкины слёзки.

Зелёный лунный поток
Застыл красивым потопом
Под самый звёздный платок,
Под самый след к Антилопам.

А разум полон тревог.
Судьба с поэтом жестока:
За каждый ветра рывок
Сюда дошедший с востока —

Немедля требует мук,
Ведёт сейчас же на пытку.
И сердце сотнею рук
Убыток пишет к убытку.

О СКВОРЦЕ

Мороз крепчает. А скворец
Поёт на ветке скрюченной.

Скрипит, как лодочный ларец
Идя, скрипит уключеной.

Скворец чудак из чудаков,
Зима же! стынь январская.
Резон для пенья б не таков,
И жизнь совсем не барская.

Но . . . может *этот* из дипи?
Ему и снится всякое.
Терпи, родимый! Потерпи!
Да пой, с собой калякая.

Оно и вспомнишь о былом.
Душа твоя — пророчица!
Едва расчистишь бурелом,
И снова петь захочется.

РАСЧЕТ С ЖИЗНЬЮ

Вечны люди.
Вечен в мире
Злой порок.
Тоном лютни,
Ты в трактире
Взвёл курок . . .

Жизнь прислоним
К узкой дверце,
Цель — спина . . .
Мы не стонем,
Знает сердце —
Чья вина.

С пьяной крови
Пуля брызнет
Будто клоп.
Смерть от жизни
Зрак коровий
Втянет в лоб.

Всё! в рассчёте.
Слит напиток
В куль воды.
Зло в почёте.
Весь убыток:
Я и ты.

У ПОСТЕЛИ БОЛЬНОГО

Не будить! Ему неможется:
Животишко воспалён.
А совсем смешная рожица
Улыбнулась из пелён.

Хорошо. Теперь с диетою:
Ну-с . . . сосиски — целиком,
Молочка с котлеткой гретою,
Ну-с . . . и кашку с молоком.

Не бранить его за шалости,
И не бить, запрещено!
А любить без всякой жалости.
Выздоравливай, щенок!

НА МЫЛО

Неспроста тревожен дух:
Надо мной топор и петля.
Выбирай одно из двух,
Выбирай, браток, немедля!

Да за что?!
Ответ-то прост:
Подставляй скорее шею
И гудбай! — смеётся дрозд. —
Без нужды же вертишь ею.

Не болтай! Я жить хочу!
Опоздал, браток, на моды.

Сторожить таких бахчу
Не поставят в наши годы.

За беду — себя карай!
Продавал бы зло за мило.
Торгашам повсюду рай.
А поэтам . . . их на мыло!

ЕСЛИ НЕ СПИТСЯ

Если тебе не спится,
Ночь, как липучий зной,
Сам, как чужая птица
Бьёшься в глуши лесной, —

Есть же причина где-то?
Может в твоём житье
Совесть была раздета?
Совестно может ей?

Женщина может плачет,
В прошлом? И ты, не в гладь,
Словно везёшь на кляче
Трудную очень кладь.

Кладь-то — души корзинка!
Душу ж, простая речь,
Даже одна слезинка
Может насквозь прожечь,

Если она не праздна —
В днях молодой страды.
Если она напрасна,
Винен в которой ты.

НИЧТО НЕ РАДУЕТ

Ничто не радует. Покоя
Себе и ночью не найду.
А конь раскованный изгоя
Скользил и мучился на льду.

Я только трачу и теряю,
Хотя и нечего терять.
Без всякой надобности, Раю
Пишу поднéвную тетрадь.

Себя ни капли не жалею,
За «пайку» хлеба не дерусь.
Искал не праздников аллею,
А путь страдания за Русь.

Поник головушкой седою
Совсем случайный эмигрант.
О, нет! не счастьем, а бедою
В чужой внесённый прейскурант.

Ничто не радует . . . Скорее
Сигнал! Заметит ли Христос
Сигнал на мачте и на рее,
Как флаг приветствия и
Sos!

ДОЛЯ ПРИШЕЛЬЦА

Очень много обид
В неустроенных днях.
Будто злобой обит
И лежит на санях

Жизни маленькой груз.
И у жизни такой
Все: и хищник, и гнус
Заедают покой.

Сани сам и везёшь
По несанным путям:
Каждый камешек — ёж!
И несчитано ям.

Душит потный хомут
И дуги кривизна.

Крут к тебе и талмуд,
Как дорог крутизна.

Каждый целится пнуть,
Прогреметь баринком,
Чтоб за пройденный путь
Рассчитаться пинком: —

Знал бы цену житья!
Не роптал на нужду!
Хочешь жить у «жидья» —
Поклоняйся «жиду».

В ПИКОВОМ ИНТЕРЕСЕ

Скука не пневмония,
Слушай-ка, гармония,
Песенку по-русски запоём!
Шёпоты эоловы
Действуют на головы
Вроде кохетинского питьём.

Девушки, как булочки,
Чудо переулочки,
Белая и красная сирень.
Помнишь ли, певучая,
Гонора не мучая,
Кепочку носили набекрень.

Ноченька и де́вица,
Этакое деется,
Стонешь и идёшь, как на Фавор!
Выше и Гагариных!
Семечек поджаренных
Купишь, и весёлый разговор.

Помнишь ли, гармония,
Немцы и Япония
Думали Россию «рассчитать».
Думали! До смеха ли?

Только не проехали:
«Оси» оказались не под стать.

В выбоинах зáлесья,
Мы лишь оказалися
В пиках, досыхаем от невзгод.
Дело не в гармонии,
Нас без церемонии,
Спишут в непредвиденный расход.

О СЕБЕ

Я не скупщик домов,
Не стесняюсь сказать.
Мне бы десять томов
Для людей написать.

Десять правд обо всём,
Непродажных вестей,
Ими мы обнесём
Земляков, как гостей.

Мне б предстать на пиру
Не бахвальством слепя
Тьму. А мне б на миру
Исповедать себя.

ФЕВРАЛЬ

С морозов сдал февраль.
За это нет укора.
Но, он, конечно, враль, —
Тепло ещё не скоро.

Ещё не мало вьюг.
Прижмут снегов заносы.
И всем напомнит юг
Мороз — жалюч, что осы.

А мне не ждать тепла,
Отжи́л, такой порядок.

Не сладкой жизнь текла,
И смерти день не сладок.

С ВЕТРОМ

Ты уверяешь: смерть — не смерть,
А дверца к жизни новой?
Ты не оттуда? Мне б суметь
Пожить судьбой сосновой.

В самой её вершине, я
Сойдусь с подругой белкой.
Я — фантазёр, она — «швея»
В судьбе уже не мелкой.

Стал бы ветвями я шуметь
С тобой, да слушать сказы.
Ствол до небес, расцветкой в медь,
Сосна же вроде вазы.

В тучах — Луны слепой зрачок,
И чей-то серый светер.
Скрипка . . . Рука . . . Блеснул смычок . . .
О чём играешь, ветер?

Снится далёкий, милый край
Земли, земной вершины . . .
Ветер! о прошлом мне сыграй,
Покуда дремлют Джины.

Ветер! пойми меня, пойми,
Душа болит о многом.
Песней тоску мою уйми.
Слети хорошим богом.

ЯНКИ

По белу свету
Шагают «ами».

Ура! к валету
Бегут с цветами.

Проходят сутки.
Идут другие.
И красят будки
В слова такие:

Героев пьянки,
Подобных шайке,
Не любим! Янки!
Домой езжайте!!

Уроки жизни-с.
И вот — расплата:
Не Бог, а бизнес
Привёл солдата.

О ТРУДНОМ

Сам себя не пойму:
Будто с недругом в ссоре,
Зло перечу ему,
Строг и груб в разговоре.

Что же, может и прав
Он со мною во многом:
Есть закон и у трав,
Есть судьба и дорогам.

Нет! закон — не закон
Если он однобокий!
Я не писарь икон,
Мне иконы — не боги.

Мне судьба не судья!
Нет закона такого!
Это — тоже статья
В силе бунта людского.

Вот и маюсь, и рвусь,
Плачу песней угрюмой.
В Русь родимую, в Русь
Рвуся каждою думой.

Я не выгод ищу,
Смерть не вырву из ножен.
Я . . . истянут! В пращу
Сердцем ноющим вложен.

В высь метните меня!
Против ветра — злодея!
Пусть рванётся с ремня
Жизнь моя — холодея.

Там! с собою в ладу,
В чутких токах вселенной.
Я бессменно пойду
В страже силы нетленной.

Весь сольюсь в острогу,
В сжим пружинных усилий,
Чтоб любому врагу
Путь отрезать к России.

НИАГАРА

Гладь речная и провал.
Зацепляясь за причину,
Там воды упругий вал
Низвергается в пучину.

Диво дивное! И рёв!
А ни демоны, ни духи.
Будто сто худых коров
Замычали с голодухи.

Клубы радужные брызг.
Разноцветные пригары
В этой кухне, пьяной вдрызг
И безумной Ниагары.

ВИНОВАТЫ

И сколько в жизни ерунды!
Законы, судьи и суды,
Попы, моленные, монахи,
И ада всяческие страхи.

Куда не сунешься — закон!
Шипит с дубинкою дракон.
Святой о заповедях хнычет.
И, глядь! напорешься на вычет.

А сколько в жизни мишуры!
До грыжи «дыхаешь с уры»
Вождям, министрам и премьерам,
Блестяшкам этим — лицемерам.

Кричишь! попробуй не кричать,
В момент упрячут за печать.
Законы, брат, витиеваты.
А мы . . . «судите! виноваты!»

МИЛАЯ СТАРИНА

Для дорожного уюта,
Третьеклассная каюта.
Удивительно мягки́
Кулаков пуховики.

И, почти за переборкой,
Тарахтят скороговоркой,
Из шипучек и пружин,
Хитромудрости машин.

По ночам и в непогоды
Отсыпаешься за годы.
Заваляешься медведем.
А без паники. Доедем!

НЕПОСЕДА ПТИЦА

Так звенит над веточкой
Непоседа птица:
Будто, с важной весточкой,
Щебетушка мчится!

Будто где-то близенько
Набухают почки!
Будто стонет сизенька,
Да по целой ночке!

Может правда. Соками
Разожгут кадило.
Вот и сердце, ёками,
Ни с чего схватило.

РЫБАК

Не мешайте! Я рыбачу,
Вспоминая речку Качу,
Стаи пескарей.
Восхищён, красавцы, вами!
Обтянул крючки червями,
Клюйте поскорей!

И сижу в минутах тáя.
Голова уже седая
С множества минут.
А минут, секунд и терций —
Обо всём больное сердце
Тяжестями мнут.

Но сижу . . . Сижу веками,
В побережье врос руками,
Сволочи века!

Надоел, видать, до блёва
Пескарям. Они без клёва —
Съели рыбака.

СКРИП

Шаток ли стул?
Ветер ли сдул
С крыши скрипучей
Что из заплат?
Ходим-то, брат,
Вечно под тучей.

С урасом мы.
Вот и, взаймы,
Нас одолжили
В злое село.
Нас и свело
В скрип сухожилий.

Я НЕ ЗЛОЙ

Сегодня я не злой.
С весенней быстротою,
Любви глубинный слой
Фонтанит добротою.

Прекрасно всё вокруг!
Чудесная погода!
И снова я упруг
Стопою пешехода.

Дрожит слезинкой даль —
В мелодии блаженства.
Спасла она едва ль
Любимую от женства.

Уж очень долгий срок
Разлука отшагала.
И клятв горячий слог
Сгорел от перекала.

Сегодня я не злой.
В волнующемся утре
Встрепал — любви золой
Осыпанные кудри.

О КОШКЕ

Наигравшись со старой шапкой,
Как сама же — семи мастей,
Умывается кошка лапкой,
Зазывая ко мне гостей.

Не зови! угощать-то нечем.
До шиша промотались мы.
И себя голодухой лечим.
Не поём о любви с зимы.

Не щебечет и что-то птаха.
Не беда ли? Кругом коты,
Да какие! — умрешь со страха.
А не съела ль, плутовка, ты?

Признавайся! Потрясши лапкой,
И ещё полизав бока,
Занялася кошчонка шапкой . . .
Не накажем её, пока.

ТАКОЕ ДЕЛО

Далека горячий шёпот,
Обо всём, тебя в покое
Не оставит. Стон и ропот
Не спасут. Ничто другое

Не спасёт. Напрасно кличешь
Старины седого мага,
Не спасёт. Себя — не Китеж
Отыскать. Судьбы «бумага»

На душе. Гербы, печати,
Про рожденье штампик узкий,
О тебе — несчастном чаде.
Да читай! Читай! Ты — русский!

НАШ ВЕК

Кроет моросью
Все дороженьки.
Жизни скоростью
Ломит ноженьки.

В каждом выходе
Власть таёжная.
В каждой выгоде
Радость ложная.

Чтили в кителе
Царском статую.
В небе видели
Страсть хвостатую.

Павши тучею,
Злое чучело
Болью жгучею
Всех и скрючило.

Веря смолоду
Сказок золоту —
Пухли с голоду,
Мёрли с холоду.

Шли в объятия
К их экваторам,
Шля проклятия
Всем диктаторам.

Жизнь прославили
Всеми жилками.
К пулям ставили
Нас затылками.

Время — поездом
Душу, крыжи ли
Ело по́едом.
Только выжили

Люди в полыме,
Лютой стужею,
Даже голыми, —
Силой дюжею.

Нам без свастики —
Жизни ворога:
Жить бы, братики,
Любо — дорого!

Что же спрятано?
Нету мира-то!
Кровью атома
Кормим Ирода.

Значит, наново,
Скаля злостие,
Всё Ива́ново —
Псу в подхвостие.

Чтобы атому
Жизнь не выпалить, —
Нашу б выболеть
Трижды клятому!

К слову, взятому
В форме матерной.

В каждой ядерной,
Бросим атому:
Прочь! Уродине
Нет приветствия!

Прочь! А Родине
Жить без бедствия!

ФЛАГАМ ООН

Метнулась радуга — дуга
Из водоёма в водоём,

Стремлений радужных рука.
Да не тянись! Не воздаём

Добром сегодня никому.
А непокорных, без затей,
Огнём сметаем за корму,
От стариков и до детей.

На корм акулам, от акул,
В переварительный жакет:
Уча почтенью к батогу
И «подношеньям» из ракет.

В ПОЛНОЧЬ

Весна идёт, как девушка ступая
По клавишам души моей.
Взволнован я проказницею мая,
И краше не встречал, ей-ей!

Звенит капель бубенчиков набором.
И в каждом — красоте жетон.
Моя любовь в жетоне . . . А в котором?
Что капелька — то краше тон.

Весна, весна! беспутною девчонкой
Ласкается ко всем. А я
Весной гулял с сибирочкой — чалдонкой.
Чалдоночка! . . Моя . . . Своя . . .

Какие это сказочные вёсны.
Черёмухи цветень. Белынь!
И беды нам казались несерьёзны,
Как утренний ледок, в теплынь.

Скажи весна, судьба же не картонка,
Не выбросишь сломав её, —
Здорова ль дочка? помнит ли чалдонка
Красивое своё . . . моё?

У зимней смерти, жизни выкупая,
По клавишам моей мечты
Идёт весна, как девушка ступая . . .
Мучительная ж, полночь, ты!

И слышу я далёкие напевы.
И вижу, проникая даль:
Казнят меня, обрушивая гневы
На хрупкую души деталь.

ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ Ж. К.

Я часто на тебя гляжу.
А ты без устали за мною,
С своей улыбкой неземною,
Следишь. И расстоянья ржу

Да времени тяжёлый лёд
Я плавлю солнечностью мая,
И зовам сладостным внимая,
Взмываю над судьбой, в полёт!

В глубокой высоте лечу,
Купаюсь в песенных просторах,
Себя в запевах и повторах —
Крылатому отдав плечу.

Красивая какая даль
Хороших далей . . . За тобою
Давно ль, подобно градобою
Горячему, металась сталь.

Кромешного тартáра путь.
Сирен пронзительные стоны.
Сирен далёких камертоны.
И бешенство! . . Забудь! Забудь!

Красивая такая даль.
И наши песни на просторе.
В груди ж, в особенном моторе,
Начала и конца педаль.

Не жми! . . Я над судьбой лечу,
«В бегах» — записанный у «метра»,
Прикрыв ладонями от ветра
Сгоревшую почти свечу

Восторженной своей души,
Возжённой Родиной и песней.
О, Боже — Боже! без болезней,
Но медленней её туши.

Я часто на тебя гляжу.
А ты, без устали, со мною,
Своей улыбкой неземною, —
Добра, как к своему пажу.

САМ СЕБЯ

Не настрадавшись — не поймешь.
Прошли с судьбою битвы,
А у поверженного нож
В руке, острее бритвы.

Да искажённое лицо,
Да сердце злобой вздулось.
Не безысходности ль кольцо
Уже над ним сомкнулось?

Остановись! Не совершай
Греха с своей судьбою.
И безысходность не лишай,
Сойдёт сама собою.

А успокоишься когда,
Взгляни, не в счёт подошвам,
И на судьбу, и на года
Свои, теперь и в прошлом.

О, с облегченьем отнесёшь
Не всё в износ и трату.

Ну-с . . . безысходность — на застёж!
Пожми же руку брату!

Не разменяешься на медь
Засунув нож за гетру.
Да постарайся-ка запеть!
А грудь подставить ветру.

МИЛОЙ ПЕТРУСЕ

В своих желаньях раздвоя
Меня на юность и на старость,
Любовь наивная твоя
Ведёт на чувственную ярость.

Погнулось нравов остриё.
Искал защиты у морали,
Но, Боже! доводы её
Встречаясь с кровью умирали.

Конечно, чувства не скоты.
Но годы! этакие штучки.
И мне, влюбившаяся ты,
Годишься возрастом во внучки.

По-женски, с детской прямотой,
Зовёшь . . . Ах, сладкие соблазны!
Сегодня вы — над клеветой,
А бойтесь! сплетни безобразны.

Какой-то праведник святой,
Борясь с соблазнами, как малец,
Мучимый женской наготой,
Отсек, для праведности, палец.

Но я святому не чета:
Отсек бы голову по плечи!
Явись лишь грешная мечта
Во плоти мне, по-человечьи.

Грешенья с грешницей не грех.
А ты ж совсем отроковица.
Твои ль утехи у прорех?
Тобой в Эдеме бы гордиться!

Шепча, ты сходишься на близь,
Полна неведанных томлений: —
«Коснись! пожалуйста, коснись!
Мои не стиснуты колени . . .

К закату, раннюю зарю
Дарю тебе, как королевство.
И ласки де́вичьи дарю.
Дарю любимому и девство».

Зачем смущаешь? Не расцвесть
Тебе в объятьях утомлённых.
И жизнь нерадостную весть
Расскажет в мире у зелёных,

Как ты, — зелёным по годам.
И тем — любителям свежинки,
Кошчонкам блудным и котам.
Оставит сказку без снежинки.

Не выбьешь каждого вруна,
Не срежешь всякую болтушу.
И «песен» сплётенных струна
По жилке вымотает душу.

Забочусь я не о себе.
С собой построже разберуся.
Орлы не гнёздятся в избе,
А юность в старости, Петруся.

Петруся! ты, холостяку,
Подобна царственному трону.
Но я, скорее отсеку
Своё, а юности не трону.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЕ

Двое: Жучка и Волчок.
Неуверенные лапы, —
Будто тянут на бочок . . .
Не тревожьтесь эскулапы,

До простуд не докопаться.
Зубки будто у котят:
С зазевавшегося братца
Только клочья полетят!

Братец тоже начеку:
С деловитостью можая,
Всё готовится к прыжку,
Поединки уважая.

В РАЗДУМЬЕ

Званье одно — доска!
Даже на гроб узка.
Нужно бы три куска
Сшитых на два гвоздка.

Если всего до плеч
В гроб-то, сживья, залечь? . .
Дельная, парень, речь!
Можно и тут сберечь

Тоже какой-то грош.
Жизнь-то сплошная строжь,
Всюду. А день хорош.
Мучает только дрожь.

Всё лихорадит быль,
Ест переходов пыль.
Сдохну ж! а я бобыль.
Грош-то — кому костыль?

Лучше б душе покой.
Руку б пожать рукой

Дружбы. Да плыть рекой
Нам в красоте такой.

Боже! . . Но Бог ислам
Принял. А рай ослам
Сдал, отказав послам —
Здесь продающим срам.

МЕРТВЫЕ РОЗЫ

Среди искусственных громад,
Цветы из пластики в пордаже.
Живыми кажутся! И, даже,
Струится словно аромат.

Пока у критик не в тисках,
Кивнём любителям старинки: —
Ночёвок смятые перинки
Заметны будто в лепестках!

Спеша, для радужных забав,
Исчезнуть в солнечной купели,
Прибрать постельки не успели
Росинки — в розах переспав.

И ОПЯТЬ ГРОЗА

О, не пой, скворец, об этом,
Не журчи о том.
Не грози Морозу летом,
А Зиме судом.

Не поможет посвист птичий
Одолеть беду.
Не душа в груди у дичи,
А дыра в еду.

Не журчи . . . Над нами громы,
Не уйти добром.

Облаков седых паромы
Перевозят гром.

Не щадят зимой и летом.
А судьба — оса!
Норовит за нами следом.
И опять гроза.

Я В ЖИЗНИ

Я картины люблю с натуры.
Лишь амуры пускай в ремне.
Невозможные, разве, дуры
Не дойдут донага при мне.

Я иную и сам раздену:
И кольцо, и серёжки вон!
Из фантазий лучистых стéну
Возведу для неё, как фон.

Я люблю ароматов звоны
Заплетать в аромат волос.
Ну какие ещё резоны
Разостлать для любви колёс?

Я люблю середины ночек.
До Луны серебря зенит,
Мелодичный такой звоночек
О любви для тебя звенит.

Я . . . не знаю — сладки́ ли муки.
« Не нужны, не нужны платки!» —
Протестуют глаза и руки
Ненаглядной . . . Тогда — сладки.

Я страдания пью запоем,
Никогда не пьянея вдрызг.
О Россиях?! молюсь обоим.
Но, судьба — бесконечный риск.

Я люблю над собой смеяться.
Донага и себя раздеть,
Своего накануне «святца»,
Воскресив прегрешений с треть.

Я могу, растворясь в тумане,
Ощутить золотой рассвет.
А взойдёт, отразясь в лимане,
Преогромный такой РОЗЕТ,

Я смогу, без защитной формы,
Залетев к облаков курчам,
Пробежать, молодой, задорный,
По кипящим его лучам.

Я люблю красоту с натуры,
Обнажений не прячу в тень.
Красота — не приём микстуры:
По столовой, однажды в день.

ПОЙ И ПОЙ

Если не о чем петь,
Пой о счастье своём.
Толк ли беды терпеть, —
Сделай новый заём!

Всё в залоге давно,
Кроме дыр и заплат.
Плюй! Иди в казино,
Душу ахай в заклад!

С ней, как в рай на Гнедом,
С этой самой душой.
Кто урежет кнутом,
Кто протянет вожжой.

Пой о счастье своём,
Пой, товарищ Душа!
Мне бы стать соловьём,
Больно ж жизнь хороша!

Денег нет. На дому
Крыши нет. Ну и что ж!
Нет и нет! потому —
Воздух больно хорош.

Пой, соловушка, пой!
Может сварим щербу,
Печь затопим щепой,
Если встретим щепу.

Сплошь посты и посты.
Дни великие сплошь.
Вербно режут кусты,
Видно праздник хорош.

Пой о счастье своём,
Жизни вечный бобыль.
Мы с тобой не соврём
Воя в нынче и в быль.

СМОГ

Густой липучий смог, —
Судьбы слепая сила.
Иной найти не смог.
И жгла и всё гасила

Во мне её рука.
Всегда смеясь, с издёвкой.
Погаже, брат Лука,
Как пан с гулящей девкой.

А трубы всё дымят.
Растёт табун едучий
Сомо́в, сомих, сомят
Над нами . . . Тучи — тучи!

ПЕРВАЯ ТЕПЛЫНЬ

С переменой в сезонах
Прекратилися фокусы.
И в зелёных газонах
Распустилися крокусы.

С холодами разлука.
Не шутить же с порядками:
И любители лука
Копошатся над грядками.

Но мешает помощник, —
Да внучонку прощается.
А котан — полунощник
Из гостей возвращается.

ГЛЯДЯ НА СИРЕНЬ

В сирени первый листик.
И всей зелёной дворней —
Пегасу первый хлыстик:
Скачи, Пегас, проворней!

Звени, звени копытом
По всем строкам — бесятам,
О всём уже забытом,
О всём ещё не взятом.

Судьбу бы нам! Судьбу бы!
Лети, ро́дной, как птица!
Ещё разочек в губы
Хочу любимой впиться.

Спеши, спеши! Она же
Из сказок лучше лучшей.
Такое счастье наше, —
И в счастьях редкий случай.

Идём в поток лучений . . .
В Восток . . . К заре над миром.

В груди костёр мучений,
Страдай и пой с кумиром: —

«В горах не счесть алмазов . . .»
«В морях не счесть жемчужин . . .»
В степи табун Пегасов
Пасётся . . . Может нужен.

Лети в семье грачиной
Туда, где вёсны сладки.
Туда . . . ну будь мужчиной! —
Куда спешат касатки.

И сколько ж там сирени!
По всем весенним тропам
На жизнь родных селений
Идёт сирень потопом.

Любовь ещё не спета.
Скачи в судьбе терпимой,
И сразу два букета
Нарежем мы любимой.

Минуя эти горы,
Скачи — не веря вракам . . .
Кому дороги скоры,
А нам повсюду с гаком.

В ГРУДИ

Какие клавиши в груди?
Какие струны?
Крути, настройщик, не крути —
Они безумны!

Поют рыдая и смеясь.
Они — Паяцы!
Листают, Бога не боясь,
Грешений святцы.

В груди и роза, и стрела —
От строгой жрицы.
И два надломленных крыла,
Да сердце птицы.

СИНИЦА

Над морем над синим синицы
Летят . . . — не догнать колдунам.
Как будто, играя, зарницы
Скользят по прозрачным волнам.

Синичья весёлая стая.
Моряк, у каких-то границ,
Журнал корабельный листая,
Внесёт: — повстречали синиц.

И станет бывалому сниться:
Подруга . . . Зареченский дом . . .
Лесок . . . А в лесочке синица
Звенит над синичьим гнездом.

МЕТЕЛЬЩИК

Мету! Старательно мету.
Метла, теперь, моя профессия.
На мусор! горе и беду.
Мету . . . Не трусишь? То-то, бестия!

Мету в моленной Сатаны.
Гнусит дьячок: — «От Беса . . . чтение . .»
Дрожат на грешниках штаны.
А я мету — моё почтение!

Поэту выдана метла
За все его дела — наградою.
Горел . . . и выгорел до тла.
Казнил себя, теперь порадую.

НА ДНЕ

Серый день. На тенёта в углу
Он похож, на сплошные тенёта.
В сердце мне не любовь, а иглу
Вжать упорно старается кто-то.

Боль на боль . . . Нажимай! Нажимай!
Ешь подряд виноватых, невинных.
Хуже осени сумрачный май.
Зубы лжи ядовитей змеиных.

Стой! графинчик ещё сгоноши.
Станем пить и смеяться, и плакать . . .
Если ж драка, — рассудят ножи.
Жизнь такая противная слякоть.

МОЯ АРФА

Всё глуше и глуше
Аккорды певучей подруги.
И рады ли души
Рожденью сонаты иль фуги?

Погода ль сырая,
Болезни ли мучают жилы?
А может, из Рая,
К свиданьям зовут старожилы.

А может берёзы
Листвою давно отшумели.
Иль музы у прозы
Добиться любви не сумели.

ИДЕТ КОРАБЛЬ

Идёт корабль на Восток —
Послушно штурманским точкам:
У сердца вспыхнул росток
Совсем зелёным листочком.

Морская глубь за кормой.
С людьми плывущие клубы, —
Пучина ласковым ртом
Сосёт в зелёные губы.

И вымпел, сшитый без свах,
Парит — в судьбе без иголок:
Смешинкой в синих глазах,
Как неба синего сколок.

РИФМА К ЧЕЛОВЕКУ

Рифму подбирая к человеку,
Я, не отвергая ничего,
Чтобы приспособить к чебуреку —
Чуточку приквашивал его.

Следуя уродливому веку,
С детства отучил от молочка.
Выдав очумевшего калеку
Жертвой для Гестапо и Чека.

Выжил! И отправилися в Мекку,
Разве ж человек — анахорет.
Трижды прокричали кукареку,
Вылезши на самый минарет.

Мудрость примеряя к человеку,
Я, не отвергая и глупца,
Удочки закидывая в реку —
Выловил противного живца.

Так и заполняю картотеку:
Два неразличимые лица
Свойственны иному «человеку».
Честность! не нарвись на подлеца.

Выхлебать ли чёртову аптеку,
Даже по столовой на приём,

Если рассадили человеку
Душу тупиком и остриём.

С дружбой, не кивая на опеку,
Проще, без расчёсов за ушми,
Каждому такому человеку
Руку обязательно пожми.

Счастье несподручно дровосеку,
Счастья не нарубишь топором.
Небо ж посылает человеку
В молниях не музыку, а гром.

Рифму подберёшь ли к Человеку,
Сколько не подглядывай за ним,
Сколько не насаживай на ветку
Рифм, а с Человеком не сравним.

ПРЕДГРОЗЬЕ

Тишиной взволновалась душа, —
Ученица Байкала.
Духотой грозовою дыша —
Тишина засверкала.

И в душе захрустели хрящи,
Как отмершие сучья.
Расхлещи же её расхлещи,
Окаянная туча!!

У Иуды грядущее мы
Покупали наóгляд,
Не пощупав, а он не с дармы
По писанию — проклят.

Разрази же меня разрази,
Огнегромая штука!
Продремали своё караси,
Позабавилась щука.

БРУТЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

Сам не удавится Брут.
Вечером, в девять иль в десять,
Люди восстав заорут: —
«Хватит с землёй-то чудесить!»

Самой родной из планет —
Жить! без суждений о всяком.
Места безумию — нет!
Нет! — ненавистным воякам.

Мир и свобода!
А их —
К дьяволам всех чинодралов:
Зла поваров, поварих!
К дьяволам всех генералов!

Нам надоела война,
Дикие к смерти аллюры,
Требуем мира!
И на! —
Новый очаг авантюры.

Ужасов новый очаг.
Все генералы — непра́вы:
Жмёт на бомбёжек рычаг
Их Сатана, для забавы!

Слуги кровавых затей!
Вы! — да на вас, на рептилий,
Нам наплевать! Но, детей!
Их-то зачем народили?!

Вам? Для войны?
Подлецы!
Вы подлецы, генералы!
Вы пачкуны, не отцы, —
Все на войну забиралы.

Нет, не удавится Брут
Наш — в генеральском мундире.

Кажется, если не врут,
Брут удавился в сортире.

Нашим и нужно помочь.
В самую лунную ночь,
Сходкой решив мировою: —
Брутов в сортир головою!

Мир и Свобода Земле!
Пойте, весенние соки,
В листике каждом, в стебле́,
В ветке и в таянья стоке.

Пусть расцветает Вьетнам!
Он, от трудов оборота,
Шлёт в угощение нам
Что-то, хорошее что-то.

МЯЧ СУДЬБЫ

Далеки и детство, и мячи.
Не прими, пожалуйста, за шутку: —
Эх, назад, дороженька, умчи!
На минутку, только на минутку.

Хороши Гремячие ручьи.
И ручьи, и горные тропинки.
Узнавал по выговору — чьи,
Отвечал ногами без запинки.

И душа, без устали, сама,
Нараспашку, пелась и шагалась.
Да сводя немножечко с ума —
Красота с душой перекликалась.

Проведёшь рукой по седине,
Замечтаешь, вглядываясь в дали . . .
И начнёшь, с душой наедине,
Обуваться в детские сандали,

Торопясь погнаться за мячом...
До седин гонялись за мячами.
Ветерок, струинкой за плечом,
И поёт, и плачет за плечами.

Привлекал Меркурий... И Пегас
Привлекал... И снились марсианки.
Но, огонь мечтаний не погас
И для скромной русой россиянки.

А когда, особенно с поры
Голубых пеналов и тетрадок,
Ожиданья плавились в пары
Золочений сказочных и радуг,

На мяче, на самом на большом,
Создавалось Чудо-королевство: —
Богатеть учёным багажом,
Да беречь за девушками девство,

Насаждались дивные сады
Красотой — без всякого порока,
От Земли до синей высоты
И в обхват! — цветущая дорога.

И мячи, хорошие мячи!
Задаёт классические голы
Красноярск, — держитесь, Томичи!
Воро́та не девичьи подолы.

Защищай доверенный объём!
Не зевай! А мы не прозеваем,
И в судьбу без промаха забьём!
Не раскиснем здобным караваем.

Берега дорожки беговой
И внучата хитрые, и деды
Обсадили... Стёжкой луговой
На заезд идут велосипеды...

И всегда стремление и бег
К — победить! Загадочные дали

Разгадать! У альф и у омег
Отобрать заветные медали.

Ничего не создано. С мячом
Понапрасну бегали мальчишки.
Красота и девство не при чём,
Не нужны! сменяли на страстишки.

А теперь и мучает оно.
Из благих порывов человека
Совершить, наверно, не дано
Ничего, отныне и до века.

ПОСЛАНИЕ ПАПЕ РИМСКОМУ

Жизнь . . . Заводы
Душат дымом.
Злые оды
Папе с Римом
Я слагаю —
В хвост и в гриву!

Даже Хаю,
Даже Риву
Бог прославил.
В чём морока?!

Пётр и Павел —
Два пророка,
Их и вести:
Все недели
С Богом вместе
Пили ели.

Даже ужин
Полным клиром.
Бог же дружен
С целым миром.

Даже в тайной
Их Вечере,
Где-то в чайной
Грешной дщери,

Бог не крикнул
Тем языќам,
Он не зыкнул
Зычным зыком: —

«Други! Братья
Пия — Павла,
Бейте, грабьте
Где попало!
Бейте слабых,
Бейте малых,
Всех арапых!

Крóвей алых
Сладок запах.
Слаще сласти
В хищных лапах,
В хищной пасти
Будут звуки
Детских стонов:
Разной муки,
Разных тóнов.

В кровь забрызган? —
Эко горе!
Ты не взыскан,
Ты в фаворе! —
Взял и вытер!
Бей, насилуй!

Милый Питер,
Стань верзилой
В деле этом:
Права сильных
Править светом, —
К страху жильных».

Папа, так ли?
Думай строго!
Мы не двойни.
Нужно много —
Много пакли:
Счистить если
Кровь от лезвий
Этой бойни.

Мы, чинами,
Разны — разны!
Ты в карете,
С ней соблазны —
Штучки эти.

Мне тревога
Всю дорогу.
Путь завьюжен.
Между нами:
Ты — от Бога?
Или Богу
Ты не нужен?

Нам, задирам,
Жизнь известней
В каждом инче,
Вся мясная.

Слушай, Папа,
Ты не видишь?
Ада лапа
Правит миром!

Или нынче
Ты на-идиш
Бредишь песней?
Мать честнáя!

Ты же Божий
Здесь наместник!
Или, просто
Так . . . короста.

Ты — прохожий.
Просто — пре́сник,
Пресный сочень.
Мило очень
Знать такое.

Нет порядка!
Нет покоя!

То ли локон,
То ли прядка . . .
Липнет волос
С кровью рыжей,
С нею вместе
К детской шее . . .
В нашем веке!
Нас ли ради?!
Будто полоз
Санный, в беге,
Крик пригладил.

Жуть! рыжее
Адской мести!

Вырвав с крышей
Жизнь из дома,
Дом не заяц, —
Смерть вползает
В ямы окон
К мукам стона . . .

Смерть не тряпка.
Ей не важно:
Пусть испанка,
Пусть арапка,
Пусть японка.
Воет ажно!
Ржёт поганка!!

Папа! Папа!
Жути лапа
Рвёт ребёнка!!

Ваша святость!
Видишь? Или
Слеп к страданьям,
Глух к рыданьям?

Жизни роскошь,
Нега лени,
Дней приятность —
Всё убили
В дряхлом теле!

В нём ли вспышка!
Вся забота:
Жизнь в постели,
Жизнь — отрыжка,
Жизнь — икота!
Всё с молитвой
В плоть едину.

Разве ж сбреем
Этой бритвой
Зла щетину?
В каплях воска ж
Всех молений
Нет помоги!

Скажешь снова:
Винны в бедах
Мы — миряне.
Сла́бы в вере —
В нас и в дедах,
В том основа!
Жнём на ниве
Что посеем —
В той же мере.

Да . . . Однако:
Знают бабы,
Бабы даже, —
Что не в диве,
Лучше Папы,
Цены сбыта

Душ, в продаже
Всякой бойне.

Ты спокоен
В царстве боен?

Соль не в чуде!
Знают люди
Где собака
Здесь зарыта.

Псов родные,
Все земные
Наши боги —
Дряни, дряни!

Им опорой,
Важен, пышен,
Ты и слышен
Первой второй
В их достойне.
Словно баба!

Видишь, Папа?!
Вот, в газете!
В Новом свете
Та усадьба,
С морем, с сушей,
В этом месте.
Злые вести!

Там крестины
Кровью детской!
Дети в ранах!
Пятен алых
Очень много!

Много хрупов,
Много трупов!
Те — на минах,
Те — в подвалах,

Те — в руинах,
Те — в мертвецкой.

Есть туземцы.
Между нами,
Есть и «ами».
Вот кретины!
Вот помога!!

Выйди в сенцы,
Папа! Топни,
Или цыкни,
Басом крикни! —
Как удобней.

Вот экзема!
Нету ладу.
В чём заминка?

Видишь, нет ли
Дряней петли
К их параду?
Цветом в правду
Ложь малюют
Там.
И аду
Крест целуют
В землях инда
Или инка.

Скажем, кстати,
В этом штате
Дяди Сэма —
В Сант-Доминго.

Там не свадьба.
Там не ужин
В честь прелата.
Брат на брата,
Друг на друга
Там восстали.
Вникни строго!

Нет у Бога
Этих правил,
Даже сбоку.

С сердцем юга
Люди эти.
Кто-то третий —
Злой задира,
Вместо мира
В них из стали
Смерть направил!

Смерть не тряпка.
Ей не важно:
Пусть испанка,
Пусть арапка,
Пусть японка.
Воет ажно!
Ржёт поганка!

Папа! Папа!
Жути лапа
Рвёт ребёнка!!

Вот тревога!
Папа, слушай,
Между нами: —
Ты от Бога?!
Или Богу
Ты не нужен?

В СЛОВО ВЕРЯ

Я не принимаю шествия с горы,
Я иду упруго в гору.
Если угрожают чьи-то топоры —
Я не жмусь под тень к забору.

Словом! отбивал себя у передряг.
Слово, брат, равно железу.

Слово-то покуда высидит «остряк»,
Я за ним в карман не лезу.

Крепче и алмаза слово, дорогой.
Им сразишь любого зверя.
Так и побеждай дорогами, изгой:
В силу — нет!
А в слово веря.

РОДИНЕ

Всё, до радости запоздалой,
С освящённых тобой страниц,
Перевито не лентой алой,
А струинкой живых зарниц.

Сколько прелести. И закаты
Трепетали над синью гор.
И, влюблённые, мы богаты.
Поцелуй, как вино кагор.

Есть у русскости, у девичьей,
Нерушимая Чести грань, —
До венчанья! Такой обычай
У славян: не порочить рань.

Дали дальние . . . Бездорожья
Увели из родимых мест.
Помогала ли сила божья
Занести в нелюдимый Вест?

Может . . . Может и помогала.
А не сдался, стою на ять!
Не того сибиряк закала —
Русофобиям чтобы внять.

Разум выпестован и светел.
На полёт не нужны гужи.
Распахнись же на полный ветер
В необъятную грудь души!

Пеше выходили Саяны
И любя, и с судьбой на спор
Дорогие былин баяны —
Староверы лесов и гор.

Я и девушку из Сибири
Прославляю. И всю ходьбу
До рассвета, когда любили,
В молодую свою судьбу.

Всё, до радости небывалой,
И до ран у любви бойниц
Перевито не лентой алой,
А струинкой живых зарниц,

Той, что августом красноярским,
Золотину продев в корчу́,
Босонью, как детям боярским,
Расшивала небес парчу.

В РЕКЕ

Хорошо . . . На душе покой.
Не бывало такого годы.
Синева. Дотянул рукой
К небесам, в синеву погоды,

Да мешаю её в реке,
Задобряя стихом баллады.
И к губам подношу в руке
Серебристой струей прохлады.

Наслаждаясь, забрёл до плеч.
И смеюсь вспоминая детство.
И не может меня увлечь
Наслаждений другое средство.

Не приму. Изменился я.
И себя обязал приказом
Нечиновным, мои друзья: —
Охладитеся, плоть и разум!

ЛЮБОВЬ РУСАЛКИ

В заливе одном, за скалой,
Русалка жила. И, бывало,
По пене прибоя иглой
Струистой мотив вышивала.

А песня, волнуя залив,
Лилася . . . лилася . . . Без рая
Блаженства тебе насулив,
И тут же его отбирая.

Зелёной воды, в глубине,
Не слыша поющие звуки,
Лежал паренёк на спине.
Недвижным. Раскинувши руки, —

Желанием будто томим,
В тени бирюзового ила . . .
Русалка склонялась над ним,
И кудри его шевелила,

К устам припадая немым
Губами . . .
Русалка любила.

В МАТЬ

Жить так жить! Без всякой злости.
Все равны — без оговорок.
Бросьте, милый, это! Бросьте!
Сто не купите за сорок.

Может, может . . . Я не гений
Делать чудо из совета.
Мой отец — всего Евгений,
Мать моя — Елизавета.

Мать как мать. Сказать без сти́ха: —
Ей не горя б опояску.
Ей не фунт достался лиха, —
Куль! под самую завязку.

Свет, тепло, огонь для пищи, —
Всё на капле керосина.
Мне поныне с той жарищи
Снится горькая осина.

Мама, мама . . . Всё умела!
Только жизнь-то, как волчица.
Помню: ты белее мела
Враз — лишь горе постучится.

Вечно, вечно бой с нуждою.
Ты жила! а не шутила.
Кровь твою — сыпной водою
Только смерть и победила.

Мир людской замучан верой.
Там и выкопана яма,
В ней и Правда. С этой мерой:
Сын-то — вылитая мама.

СОДЕРЖАНИЕ